

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Цветков Артём Алексеевич

ОБРАЗ СКИФОВ И СКИФИИ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ГРЕЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (ПО ТЕКСТАМ V ВЕКА).

Выпускная квалификационная работа

Научный руководитель:

к. и. н., доцент Шувалов Пётр Валерьевич

Рецензент:

к. и. н., с. н. с. Никоноров Валерий Павлович

Санкт-Петербург

2017

1

Содержание

Введение	3
Глава 1. Дексипп	
1.1 Жизнь и литературная деятельность	9
1.2 Дексипп о скифах	11
Глава 2. Евнапий	
2.1 Жизнь и литературная деятельность	16
2.2 Евнапий о скифах	21
Глава 3. Приск Панийский	
3.1 Жизнь и литературная деятельность	32
3.2 Приск о скифах	35
Глава 4. Зосим	
4.1 Жизнь и литературная деятельность	47
4.2 Зосим о скифах	50
Заключение	60
Список сокращений	62
Список литературы	63

Введение

В последние годы в антиковедении существенное внимание исследователей обращено на изучение позднеантичного периода (III – V вв.) как обособленного этапа в развитии античной цивилизации и её трансформации в «средневековое» византийское государство. Одним из основополагающих вопросов, связанных с изучением данного периода, является вопрос о представлениях позднеантичного общества о соседних народах, и здесь можно выделить две его составляющие:

- как происходило дальнейшее развитие особенностей описания различных народов ойкумены в античной традиции, и какое место в ней занимали сочинения авторов III – V вв.;

- каким образом отражались в этой традиции «современные» события, связанных с масштабными этнополитическими процессами в ходе т.н. «Великого переселения народов».

Очевидно, что обе части содержат в себе множество специальных проблем, и должны решаться на стыке историко-филологических дисциплин.

Одной из таких проблем является содержание термина «скифы» в произведениях позднеантичных авторов, и образ «скифа» в контексте истории Поздней Римской империи. Действительно, этот этноним появился в греческой литературе достаточно рано, на самом раннем её этапе, являлся на протяжении существования этнографической традиции одним из её центральных сюжетов, и привлекал к себе внимание многих историков, поэтов, географов древней Греции, а затем и Рима. Однако, в действительности, уже к концу IV в. до н. э. на территории северного Причерноморья на смену историческим скифам приходят другие кочевые племена, в том числе и неиранского происхождения, и они исчезают из поля зрения современных историков и археологов. Но античным (а позднее и византийским) авторам практически все обитатели причерноморских степей и придунайских областей с этого времени известны под собирательным

этнонимом «скифы», и с ходом времени чётко определить наполнение и характерные черты этих «скифов» становится сложнее, тем более в условиях новых «волн» заселения северного Причерноморья.

В данной работе объектом исследования являются сочинения преимущественно грекоязычных позднеантичных авторов – историков 2-й половины IV – V вв. (за исключением афинского историка III в. Доксиппа) – Евнапия Сардийского, Приска Панийского и Зосима, а конкретнее – их сведения, касающиеся описания различных «варварских» народов, по преимуществу «скифов». Целью нашей работы является изучение образа «скифа» в исторической литературе конца IV – V вв., в контексте истории позднеримского государства и его взаимоотношений с соседними племенами и народами – участниками «Великого переселения народов». Такой выбор источников обусловлен:

- во-первых, языческим, т.е. «светским» характером их сочинений, созданных ими в продолжение существовавшей и использовавшейся ими классической традиции (в первую очередь, конечно, Геродот, Фукидид и Ксенофонт): поэтому церковные историки IV – V в. (Филосторгий, Сократ Схоластик, Эрмий Созомен), хотя и частично опиравшиеся на предшественников-язычников (например, Филосторгий, увидевший в гуннах нервов Геродота), уделяя основное внимание истории Церкви, так или иначе встраивают образ скифов в контекст библейско-христианской истории, и принадлежат к иной, христианской исторической традиции;

- во-вторых, историческим характером их сочинений, в отличие от современников-ораторов – Фемистия, Либания, Синезия, и др., чьи произведения, насквозь пронизанные риторическими упражнениями и многочисленными отсылками к сочинениям древних, в большинстве не стремятся к отражению реальной картины (что нисколько не умаляет их ценности для изучения самых разных сторон жизни империи, однако требуют более глубокого и детального анализа).

Рукописная традиция авторов представляет из себя сложную проблему. Тексты большинства из них (Дексипп, Евнапий и Приск) дошли до нас отрывочно, большей частью в составе «Эксцерптов» Константина Багрянородного. «Эксцерпты» представляли из себя извлечения из огромного количества античных и византийских авторов, отобранные комиссией под руководством византийского императора, и разбитые на 53 отдельных тематических сборника, из которых до нас дошли четыре: «О посольствах», «О добродетели и пороке», «О мнениях» и «О заговорах против императоров»¹. Комиссия переписчиков в плане тематики, как установлено, весьма избирательно подходила к отбору необходимых отрывков². Исходя из практико-политических, идеологических целей, поставленных императором, эксцерпторами из громадного числа трудов античных авторов (в том числе и Дексиппа, Евнапия, Зосима и др.) избирались и по необходимости корректировались отрывки, иллюстрировавшие в необходимом свете идеи и методы решения различных внутри- и внешнеполитических задач; отрывки, касающиеся восхваления императора, его личности и моральных качеств; исторические примеры отношений с соседними варварскими племенами, и так далее³. Методы работы эксцерпторов изучены достаточно подробно⁴, и от их понимания во многом порой зависит и понимание отрывков из различных авторов.

Помимо «Эксцерптов», различные отрывки и парафразы из авторов известны нам из «Миробиблиона» Фотия и византийской энциклопедии «Суды». Текст Зосима дошёл до нас почти целиком в составе одной рукописи, *Vaticanus Graecus* 156, частично также в «Эксцерптах». Ещё одним источником цитат из авторов являются труды более поздних историков.

¹ Kazhdan A. *Excerpta* // ODB, II. 1991. P. 767; Семеновкер Б. А. Энциклопедии Константина Багрянородного: библиографический аппарат и проблемы атрибуции // ВВ, 45 (1984). С. 242.

² Смирнова О.В. Евнапий и Зосим в *Excerpta de sententiis* и *Excerpta de legationibus* Константина Багрянородного // ВВ, 64 (2005). С. 64-70.

³ Там же, с. 75-76.

⁴ Brunt P. A. *On historical fragments and epitomes* // CQ, 30 (1980). P. 483-484.

Оригиналы произведений издавались неоднократно. Нами были использованы издания Р. Блокли⁵, Л. Диндорфа⁶, Л. Мендельсона⁷

В данной работе (для Дексиппа, Евнапия и Приска) по умолчанию были использованы переводы позднегреческих историков Г. С. Дестунисом⁸ (в котором были исправлены устаревшие термины, и устранены ошибки с точки зрения нормы современного литературного языка). Помимо этого, использовался перевод фрагментов Приска в первом томе «Свода древнейших письменных известий о славянах» Л. А. Гиндина и А. И. Иванчика⁹. Для Зосима был использован перевод Н. Н. Болгова¹⁰. Некоторые фрагменты, по необходимости, были переведены мной, они отмечены в тексте.

Изучению как литературного образа скифов классической древности и его содержания, так и историко-археологическому исследованию скрывавшихся под ним в действительности племён и народов в исторической науке посвящено множество работ. Из крупных исследований последних лет стоит упомянуть работу А. И. Иванчика, посвящённую взаимоотношениям евразийских номадов с раннегреческим миром в VIII-VII вв. Несмотря на разбор столь ранних свидетельств, в исследовании подробно рассматривается вообще античная традиция о скифах, и вопрос её источников, в том числе и для позднеримских авторов. К примеру, Аммиан базировался в своих построениях на традиции, в основе которой лежало сообщение историка Эфора о непобедимых скифах-кочевниках¹¹.

Другим важным исследованием является диссертация С. А. Тахтаджяна, посвящённая вопросу идеализации скифов у Эфора, и её

⁵ The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire / ed. R.C. Blockley. Vol. I-II. Liverpool, 1981.

⁶ Historici graeci minores. Vol. I / ed. L. Dindorf. Leipzig, 1870.

⁷ Zosimi Historia Nova / ed. L. Mendelssohn. Leipzig, 1887.

⁸ Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец. / Пер. Г. С. Дестуниса. СПб, 1860; Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского / Учёные записки Импер. Академии Наук, VII, 1861

⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.1. М., 1994.

¹⁰ Зосим. Новая история / пер. Н. Н. Болгова. Белгород, 2010.

¹¹ Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., 2005. С. 38-39.

источникам. В ней подробнейшим образом анализируется как сообщение Эфора о скифах, так и предшествующая и современная ему традиция (прежде всего Геродот и Платон), которая могла оказать влияние на тот эфоровский идеализирующий образ скифов-кочевников, распространившийся впоследствии и в более поздней литературе¹².

Некий итог подводится в работе В. Н. Козулина¹³, который рассмотрел скифскую проблему на материале античной традиции. Однако он доводит своё исследование лишь до II-III вв. н.э.

Стоит отметить, что работ, посвящённых изучению образа скифов (или других варваров) в позднеантичной литературе, относительно немного. Большинство исследователей, занимаясь теми или иными аспектами варварской проблемы в эпоху III – VI вв., уделяли внимание этому вопросу лишь постольку, поскольку это требовалось от них в рамках их собственных исследований. Основополагающей работой в данной области по сей день остаётся исследование венгерского специалиста Д. Моравчика, посвящённое анализу сведений византийских авторов о тюркских племенах. Но в нём анализируются также и сведения обо всех кочевых племенах, упомянутых в византийских источниках¹⁴.

Серьёзную веху в историографии вопроса составили труды Э. А. Томпсона, в фокусе внимания которого на протяжении его научной карьеры находились проблемы отношений с варварами в IV – VI вв., личность и сведения Аммиана Марцеллина о варварах, и более узкие вопросы критики текста и анализа сведений позднеантичных историков¹⁵. Также необходимо отметить его исследование по истории гуннов и Аттилы, в котором достаточно подробно освещена не только политическая история гуннов в IV – V вв., но и разобраны их

¹² Тахтаджян С. А. Скифы Эфора: источники идеализации (дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н.). СПб, 2001.

¹³ Козулин, В. Н. Образ скифов в античной литературной традиции. Барнаул, 2015.

¹⁴ Moravcsik G. Byzantinoturcica. Vol. I-II, 1958.

¹⁵ Томпсон Э. А. Римляне и варвары: падение Западной Римской империи. СПб, 2003; Thompson E. A. The historical work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947; Thompson E. A. Notes on Priscus // CQ, 41 (1947). Pp. 61-65.

социальная структура, а также проанализированы сведения авторов о различных племенах, находившихся под гуннской властью¹⁶.

Большинство работ, касающихся нашей проблемы – это специальные исследования, посвящённые, как правило, истории текста позднеантичных авторов, и анализу приведённых у него сведений¹⁷.

В советской историографии варварской проблематикой и проблемой их изображения у историков III – VI вв. наиболее последовательно занимались А. М. Ременников, З. В. Удальцова, позднее – В. П. Буданова, А. С. Козлов, И. Е. Ермолова, Е. Н. Нечаева, и др.

¹⁶ Thompson E. A. The history of Attila and the Huns. Oxford, 1948

¹⁷ Разбор некоторых работ см. в разделах, посвящённых соответствующим авторам.

Глава 1. Дексипп

1.1. Жизнь и литературная деятельность

В ряду позднеантичных авторов, писавших о скифах, хронологически одним из первых стоит Дексипп Афинский. Годы его жизни нам точно неизвестны: предполагается, что родился он в первые десятилетия III в.¹⁸, а умер после 269 г.; возможно, он застал и правление императора Проба (276 – 282 гг. н.э.)¹⁹. В историографии превалирует точка зрения, отождествляющая Дексиппа – историка и автора сохранившихся в цитатах поздних авторов и эксцерптах Константина Багрянородного трудов, и Дексиппа – историка, о котором нам известно лишь из эпиграфических данных, найденных в Афинах²⁰. Исходя из этого, Фергус Миллар в обстоятельной статье, посвящённой обзору интеллектуальной жизни Афин III в., рассматривает в контексте эпохи и семью Дексиппа и его сочинения. Он приходит к выводу о том, что афинский историк принадлежал к семье с достаточно крепким положением: его предки по мужской линии на протяжении II – III вв. занимали городские магистратуры, как и сам Дексипп. Афинское образование позволило ему стать прекрасным стилистом и оратором. События конца 260-х гг. Дексипп, вероятно, застал в возрасте 50-60 лет, и вполне мог принимать в них деятельное участие.

Он оставил после себя несколько трудов (дошедших лишь во фрагментах²¹), посвящённых как событиям эллинистической эпохи, так и событиям, современником и участником которых он был. Среди них выделяется его труд «Σκυθικά», в котором он описал морские

¹⁸ Busse A. Der Historiker und der Philosoph Dexippus // Hermes, 23 (1888). P. 404; Millar F. P. Herennius Dexippus: The greek world and the third-century invasions // JRS, 59 (1969). P. 20.

¹⁹ Millar F. Op.cit. P. 20.

²⁰ IG II/III² 13262.

²¹ В 2007-2008 гг. Яной Грушковой в Австрийской Национальной библиотеке при изучении палимпсеста Vind. hist. gr. 73 был обнаружен новый фрагмент «Скифики» Дексиппа, в котором описывается вторжение готов в пределы Фракии в 250-251 гг., в котором они также именуются «скифами». Текст фрагмента и текстологические правки см.: Martin G., Grusková J. “Scythica Vindobonensia” by Dexippus(?): New Fragments on Decius’ Gothic Wars // GRBS, 54 (2014). Pp. 728-754; Mallan C., Davenport C. Dexippus and the Gothic invasions: interpreting the new Vienna Fragment (Codex Vindobonensis Hist. gr. 73, ff. 192-193) // JRS, 105 (2015). Pp. 203-226.

вторжения скифов III в., а также набег герулов на Афины, вероятно, в 267 году²². Патриарху Фотию были известны три Дексипповых сочинения:

- «История после Александра» (Τὰ μετ' Ἀλέξανδρον), содержание которой (войны диадохов после смерти Александра Великого) Фотий там же и пересказывает;

- «Краткая история» (Χρονικὴ ἱστορία), или «Хроника», в которой Дексипп предпринял попытку хронографического изложения событий, ориентируя читателя по годам правления того или иного афинского архонта: именно этот принцип историописания нашёл главного противника в лице Евнапия, продолжившего его труды;

- «Скифика» (Σκυθικά), где он, видимо, решил более подробно описать события последних лет, связанные с повсеместными вторжениями «скифских» племён.

Почти сразу переходя к пересказу первого труда, Фотий в начале даёт характеристику языку и стилю Дексиппа :

«Ἔστι δὲ τὴν φράσιν ἀπερίττος τε καὶ ὄγκῳ καὶ ἀξιώματι χαίρων, καὶ (ὡς ἂν τις εἴποι) ἄλλος μετὰ τινος σαφηνείας Θουκυδίδης, μάλιστα γὰρ ἐν ταῖς σκυθικαῖς ἱστορίαις» (Phot. bibl. cod. 82).

«Стиль же его не обременён излишествами, отличаясь высотой и напыщенностью. Можно сказать, пожалуй, что это другой Фукидид, с ясным выражением мысли; лучше всего это проявляется в его скифских изысканиях» (перевод мой – А. Ц.).

Очевидно, что Фукидид являлся более важным ориентиром для написания Дексиппом своих трудов в стилистическом плане, это подчёркивает и Фотий. Тем более что подражание Фукидиду у Дексиппа наблюдается и в речах, и различных отступлениях²³.

Труды эти (или сведения о них) дошли до нас в многочисленных отрывках, эксцерптах, цитатах и отсылках. Прямым его продолжателем являлся Евнапий; помимо него, его труды были

²² Schwartz E. Dexippos 5 // RE, V. 1 (1905). P. 288.

²³ Blockley R. C. Dexippus of Athens and Eunapius of Sardis // Latomus, 30 (1971). P. 711; Blockley R. C. Dexippus and Priscus and the Thucydidean account of the siege of Plataea // Phoenix, 26 (1972). Pp. 18-27.

одним из основных источников для автора биографического сборника «*Historia Augusta*», данные из которого во многом помогают при восполнении лакун текста произведений Дексиппа. Упоминают его и авторы VI в.: церковный историк Евагрий Схоластик, философ и грамматик Стефан Византийский. Кроме, собственно, позднеантичных и ранневизантийских писателей, Дексипп был знаком гораздо более поздним византийским авторам - Георгию Синкеллу, Иоанну Цецу²⁴; помимо вышеперечисленных, из его трудов черпали сведения авторы византийской энциклопедии «Суда». Это говорит о достаточной известности и распространённости его трудов. Большая часть цитат из Дексиппа (ἐκ τῶν Δεξιππου) дошла до нас в эксцерптах Константина Багрянородного.

Как можно заметить, произведения Дексиппа были весьма интересны не только современникам, и использовались поздними авторами как источник, в основном (если не брать во внимание его «Историю после Александра», привлёкшую внимание Фотия), по эпохе III в. и войнам с различными причерноморскими племенами. Для анализа представлений о скифах в V в. Дексипп прежде всего интересен как авторитетный и влиятельный источник, прямо или опосредованно связанный с Евнапием, Олимпиодором, Зосимой, а также и с готским историком Иорданом (через Кассиодора).

1.2. Дексипп о скифах

Ключевым событием в жизни Дексиппа стало вторжение северопричерноморских племён в Аттику в 267 г. н. э., повлекшее за собой столкновения с афинским ополчением и императорскими войсками. Это вторжение являлось, очевидно, одним эпизодом из многочисленных нападений племён с севера Чёрного моря на прибрежные населённые земли в бассейне Чёрного и Эгейского морей в период 230-260-х гг. В историографии нет единой точки зрения на вопрос об этнической принадлежности этих племён, характере их

²⁴ Между тем, Цец прямо говорит о том, что со «Скификой» Дексиппа он не знаком (Δέξιππος...ἔγραψε δὲ καὶ Σκυθικά, ἃ μὲχρι νῦν οὐκ οἶδα...), хотя и знает остальные его труды (Tzetz. chil. IX 497-501).

объединений (или союзов). Очевидно, что к середине III в. причерноморские земли, помимо пришедших сюда готов, населяли другие германские и сарматские племена²⁵. Исследователи расходятся во мнениях по поводу роли готов в активизации этнических движений в северном Причерноморье и руководстве морскими нападениями на города бассейна Чёрного и Эгейского морей²⁶. О том, что готы здесь были активными участниками, неоднократно сообщает и сам Дексипп.

Одной из главных проблем исследования отрывков Дексиппа представляет из себя то, что они по большей части дошли до нас в переложении-пересказе поздних авторов, и твёрдо уяснить точку зрения именно афинского историка по тому или иному вопросу не представляется возможным, как, например, в случае со свидетельством Стефана Византийского (Steph. Byz. s. v. Ἑλουροι):

«Ἑλουροι, Σκυθικὸν ἔθνος, περὶ ὧν Δέξιππος ἐν Χρονικῶν ιβ».

Здесь не совсем ясно, от кого исходит определение гелуров (или герулов, «heruli») как скифского племени (прямая это цитата из Дексиппа, либо определение Стефана), и что понимать в данном конкретном случае под термином «скифский народ». Относительно этимологии этого этнонима было высказано несколько версий, связанных с его интерпретацией не только как этнонима, но и обозначения определенного социального племенного слоя - жреческой знати²⁷. В любом случае, это племя (или его часть) имело тесные отношения с готами ещё в эпоху заселения Меотиды²⁸.

При этом стоит отметить, что Дексипп различает и называет достаточно много племён: он сообщает о пограничной войне мисийцев с племенем карпов и вторжении готских племён в 238 году (SHA. Max. et Balb. XVI 3); вообще, о карпах он пишет достаточно много:

²⁵ Вольфрам Х. Готы: от истоков до середины VI в. СПб, 2003. С. 71-72; Буданова В.П. и др. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб, 2011. С. 46-47.

²⁶ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб, 1999. С. 104-105.

²⁷ Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. М., 2002. С. 122-123.

²⁸ Вольфрам Г. Готы ... С. 83; Буданова В.П. Великое переселение ... С. 52-54.

«Καὶ Δεξιππῶ δὲ πλεῖστα περὶ τούτων πεπόνηται, ἀπὸ μυθικῶν ἄρξαμένῳ καὶ λήξαντι ἐς τὴν Κλαυδίου τοῦ μετὰ Γαλιηνὸν βασιλείαν· ᾧ συναπείληπται περὶ ὧν Κάρποι καὶ ἕτερα βάρβαρα ἔθνη κατὰ τὴν Ἑλλάδα καὶ Θράκην καὶ Ἰωνίαν διαπολεμοῦντες ἔπραξαν» (Evagr. V 24).

«Об этом много написано Дексиппом, начиная от мифических времён и вплоть до Клавдия, который правил после Галлиена. Сохранил он также и сведения о том, что наделали карпы и другие варварские народы, пройдясь с войной по Элладе, Фракии и Ионии» (перевод мой – А. Ц.).

Эти упоминания наводят на мысль о том, что во второй четверти III в. племена карпов достаточно активно участвовали в войнах на римском пограничье²⁹, что оказало определённое влияние на позднеантичных историков, и закрепило их наименование в историографии. Об этой активности косвенно свидетельствует и Пётр Патрикий (fr. 8).

Возвращаясь к термину «скифы», стоит отметить, что его употребление у Дексиппа не так неопределённо, как кажется на первый взгляд. Во фрагменте, который дошёл до нас в переложении Синкелла, Дексипп сообщает о набеге готов при Деции:

«Σκύθαι περαιωθέντες οἱ λεγόμενοι Γότθοι τὸν Ἰστρὸν ποταμὸν ἐπὶ Δεκίου πλεῖστοι τὴν Ῥωμαίων ἐπικράτειαν κατενέμοντο. Οὗτοι τοὺς Μυσοὺς φεύγοντας εἰς Νικόπολιν περιέσχον· Δέκιος δὲ ἐπελθὼν αὐτοῖς, ὡς Δέξιππος ἱστορεῖ, καὶ τρισμυρίους κτείνας ἐλαττοῦται κατὰ τὴν μάχην, ὡς καὶ τὴν Φιλιππούπολιν ἀπολέσαι ληφθεῖσαν ὑπ' αὐτῶν καὶ Θρᾶκας πολλοὺς ἀναιρεθῆναι» (Dexipp. fr. 16).

«Скифы, называемые готами, переправившись через реку Истр при Деции, большой массой опустошали Римскую державу. Деций, напав на них, как рассказывает Дексипп, и истребив их до тридцати тысяч человек, все-таки был ими до такой степени поражен, что потерял Филиппополь, который был ими взят, причем убито было множество фракийцев».

²⁹ Ременников А.М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке М., 1957. С. 7-8.

Здесь он прямо относит готов к скифским племенам, чему на наш взгляд, способствовало упоминание римского пограничья – реки Истр, за которой античные авторы уже располагали Скифию³⁰.

Однако уже в описании войн Аврелиана Дексипп таким образом упоминает скифов. В отрывке, посвящённом переговорам представителей племени ютунгов с императором, в начале пассажа, где говорится о победе Аврелиана, афинский историк отождествляет их со скифами:

«Αὐρηλιανὸς κατὰ κράτος νικήσας τοὺς Ἰουθούγγους Σκύθας, καὶ κατὰ τὴν τοῦ Ἰστρου περαιοῖσιν ἐς τὴν ἀποφυγὴν πολλοὺς τούτων ἀνελῶν, οἱ λειπόμενοι ἐς σπονδὰς ἦκον καὶ πρεσβείαν ἐστείλαντο» (Dexipp. Fr. 24).

«Когда Аврелиан разбил наголову скифов-ютунгов и истребил многих из них во время их бегства, при переправе через реку Истр, то остальные отправили к нему посольство с предложением о мире».

Очевидно, что эти задунайские племена, вторгшиеся на территорию Римской империи, он иначе как скифами не считает (собственно, и сами парламентарии, указывая на веские причины для мира, называют себя ютунгами³¹ – «... εἰκάζοντες καὶ ὑμῖν ὡς γένοιτ' ἂν διὰ γνώμης πρὸς Ἰουθούγγους εἶ παρασχὸν τῆς πρόσθεν διαφορᾶς...»), и конкретизирует лишь для большей подробности, или же желая лишний раз подчеркнуть количество различных скифских народностей, напавших на империю, императорам удалось обратить в бегство.

Но в дальнейшем развитии того же сюжета сам Аврелиан в ответной речи, обосновывая своё желание продолжения войны, обращает внимание послов на страдания «скифов»: («...Τοὺς τε πλείονας σὺν τῷ ἀλογίστῳ διὰ μάχης ἰόντας κάκιον ἀμανᾶσθαι, ἔργου πείρα μᾶλλον ἢ λόγου κομπωδεστέρα προσποιήσει διδάσκεσθε, βλέψαντες ἐς τὰ Σκυθῶν πάθη...»), которые разбиты им в числе 300 тысяч («...Οὗτοι δὴ τριάκοντα μυριάσι στρατοῦ ἐφ' ἑκατέρας τὰς ἡπείρους σκεδασθέντες πάση τῇ δυνάμει

³⁰ Буданова В. П. Древние авторы о размещении готов на Балканах // ВВ, 46 (1986). С. 52-53. Иордан, к примеру, проводит границу между Германией и Скифией там, где начинается Истр (и течёт Висла): «Scythia si quidem Germaniae terre confines eo tenus, ubi Ister oritur ...» (Iord. get. 30)

³¹ Schönfeld M. luthungi // RE, X. 2 (1919). P. 44; Буданова В.П. и др. Великое переселение народов ... С. 55-56.

ἠττήθησαν πρὸς ἡμῶν...») (Dexipp. fr. 24). На этом примере видно, что скифами он называет племена, «рассеявшиеся по обоим материкам», и приводит их бедствия в пример послам ютунгов. Не совсем ясно, что здесь Дексипп имеет в виду – племя готов, которое чаще всего им подразумевается в узком значении термина «скифы», или же общность племён, принимавших участие в набегах на поселения Эгеиды.

С другой стороны, этот фрагмент может иметь и другое объяснение. Ютунги нам известны также из труда Аммиана Марцеллина, в котором он описывает их вторжение в провинцию Реция, и называет аламанным племенем (...Iuthungi Alamannorum pars...) (Amm. Marc. XVII 6, 1-3), что не вполне соотносится с их проживанием в придунайском регионе в конце III в. Вполне возможно здесь допустить редактуру текста рукописи переписчиком из комиссии Константина Багрянородного: при переписывании выбранных фрагментов начало и конец подвергались правке, очевидно, не всегда корректной.

Итак, на наш взгляд (т. к. Дексипп явно не соблюдает последовательного употребления термина «скиф» - это и собирательный этноним для различных варварских племён, и синоним отдельным племенам³²), афинский историк двойко понимал этноним «скиф»: в общем плане он использовал его для собирательного, совокупного описания всех племён, имевших отношение к задунайским пределам, и считавшихся варварами. С другой стороны, очевидно, что отождествление скифов (в узком смысле) с готами берёт начало из трудов Дексиппа, который перенёс «скифский» этнографический ярлык с прежнего, скифо-сарматского населения Причерноморья на новых и наиболее сильных пришельцев – готские племена³³, которые уже к 250-260-м гг. III в. стали играть ведущую роль среди племён Северного Причерноморья.

³² Ременников А.М. Борьба племён ... С. 53; Буданова В.П. Готы в эпоху ... С. 113.

³³ Вольфрам Х. Готы ... С. 72.

Глава 2. Евнапий

2.1. Жизнь и литературная деятельность

Одним из наиболее важных и надёжных источников, повествующих о взаимоотношениях Римской империи с соседями во второй половине IV – начала V вв., являются произведения Евнапия, грекоязычного ритора и историка из Сард (ок. 345 г. – после 414 г.). Евнапий происходил из образованной семьи, и рос в интеллектуальной языческой среде. Ещё в Сардах он учился у христианского ритора Хризантия, а затем, после 361/2 г., около пяти лет учился в Афинах у Проэресия. В возрасте 20 лет, по одной из версий, он был посвящен в Элевсинские мистерии, и всю свою дальнейшую жизнь придерживался «эллинской» религии – язычества³⁴. Путешествовал, скорее всего побывал в Египте, где изучал медицину и свёл знакомство с Орибасием, врачом и доверенным лицом императора Юлиана. Остаток жизни, видимо, провел в Сардах, преподавая риторику и занимаясь литературным трудом.

Корпус его сочинений относительно невелик: по совету Хризантия создал сборник биографий софистов, преимущественно неоплатоников, который дошел до нас практически целиком – «*Vitae sophistarum*». Он был опубликован около 400 г.³⁵

Для нас наибольший интерес представляет его «История»³⁶ (Ἡ Ὑπομνήματα ἱστορικᾶ), в которой он охватил период от 270 г. (на том месте, где свой труд кончил афинский историк Дексипп) вплоть до 404 г.³⁷ До наших дней она сохранилась, по большей части, лишь в виде бессвязных отрывков в эксцерптах Константина Багрянородного. Также одним из важных источников текста «Истории» Евнапия (будь то парафраз или цитата) является византийская энциклопедия X в. «Суда». Стоит отметить, что в последние годы на материале текстов

³⁴ PLRE, I. P. 296.

³⁵ Liebeschuetz W. Pagan Historiography and the decline of the Empire / Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. Brill, Leiden, Boston, 2003. Pp. 179-180.

³⁶ Нумерация и текст фрагментов даются по изданию Р. Блокли.

³⁷ Moravcsik G. Byzantinoturcica. Vol. I, 1958. P. 258.

нескольких, ранее анонимных статей из «Суды» было доказано, что источником для их написания является «История» Евнапия³⁸.

По поводу её содержания необходимо уточнить, что, судя по дошедшим до нас фрагментам, Евнапий здесь дал масштабное, но достаточно предвзятое описание заката империи: несмотря на его уважение к своим христианским наставникам, он, будучи язычником, создал фактический панегирик Юлиану и его деятельности, а также достаточно жесткую критику христианства³⁹, что подтверждается и Фотием.

По-видимому, опубликование «Истории» происходило в два этапа: вдохновившись историей жизни Юлиана, он начал изложение предшествующих эпох вплоть до его правления, и опубликовал первую часть в районе 379 г., после смерти Валента. В связи с приходом к власти яркого поборника христианства Феодосия, Евнапий углубился в свои занятия ораторским искусством, и решил вернуться к продолжению своего труда лишь после его смерти в 394 г., и вторая половина была обнародована⁴⁰ после 404 г. Помимо этого нужно отметить, что Фотий был знаком с двумя версиями «Истории». Видимо, первое издание, чересчур антихристианское, было подвергнуто (возможно, самим Евнапием) редакции, однако в таком случае не совсем понятно замечание Фотия о том, что эта редакция была грубой и местами текст неясен. Существует целая дискуссия относительно того, как понимать достаточно тёмный пассаж в «Библиотеке» Фотия, где он подробно касается описания изданий Евнапия, в том числе «нового издания»⁴¹:

«Δύο δὲ πραγματείας τὴν αὐτὴν περιεχούσας ἱστορίαν συνεγράψατο, πρώτην καὶ δευτέραν. καὶ ἐν μὲν τῇ πρώτῃ πολλὴν κατὰ τῆς καθαρῶς ἡμῶν τῶν

³⁸ Norman A.F. Magnus in Ammianus, Eunapius, and Zosimus: New Evidence // CQ, 7 (1957). Pp. 129-133; Cameron A. A new fragment of Eunapius // CR, 17 (1967). Pp. 10-11; Banchich T.M. Eunapius, Eustathius, and the Suda // AJPh, 109 (1988). Pp. 223-225; Banchich T.M. An identification in the Suda: Eunapius on the Huns // CP, 83 (1988). P. 53; Buck D. F. Eunapius, Eutropius and the Suda // RhM, 135 (1992). Pp. 365-369; Woods D. Subarmachius, Bacurius, and the schola scutariorum sagittariorum // CP, 91 (1996). Pp. 365-371.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Liebeschuetz W. Pagan Historiography P. 183-185.

⁴¹ Baker A. Eunapius' Νέα Ἐκδοσις and Photius // GRBS, 24 (1988). P. 389-402; Chalmers W. R. The NEA ἘΚΔΟΣΙΣ of Eunapius' Histories // CQ, 47 (1953). P. 165-170.

Χριστιανῶν πίστεως κατασπεύρει βλασφημίαν καὶ τὴν Ἑλληνικὴν ἀποσεμνύνει δεισιδαιμονίαν, πολλὰ τῶν εὐσεβῶν βασιλέων καθαπτόμενος· ἐν δὲ τῇ δευτέρᾳ, ἣν καὶ νέαν ἔκδοσιν ἐπιγράφει, τὴν μὲν πολλὴν ὕβριν καὶ ἀσέλγειαν, ἣν κατὰ τῆς εὐσεβείας ἐσκέδαζεν, ὑποτέμνεται, τὸ δὲ λοιπὸν τῆς συγγραφῆς σῶμα συνείρας νέαν ἔκδοσιν, ὡς ἔφημεν, ἐπιγράφει, ἔτι πολλὰ τῆς ἐκεῖσε λύσσης ὑποφαίνουσιν. ἀμφοῖν δὲ ταῖς ἐκδόσεσιν ἐν παλαιοῖς ἐνετύχομεν βιβλίοις, ἰδίως ἑκάτερα ἐν ἑτέρῳ τεύχει καὶ ἑτέρῳ συντεταγμένη· ἐξ ὧν αὐτῶν καὶ τὴν διαφορὰν ἀναλεξάμενοι ἔγνωμεν. συμβαίνει οὖν ἐν τῇ νέᾳ ἐκδόσει πολλὰ τῶν χωρίων διὰ τὰς γεγενημένας τῶν ἡτῶν περικοπὰς ἀσαφῶς ἐκκεῖσθαι, καίτοι φροντιστὴς ἐστὶ τοῦ σαφοῦς· ἀλλ' ὅτῳ τρόπῳ λέγειν οὐκ ἔχω, μὴ καλῶς κατὰ τὰς περικοπὰς ἀρμόσας τοὺς λόγους ἐν τῇ δευτέρᾳ ἐκδόσει τὸν νοῦν λυμáινεται τῶν ἀναγινωσκομένων» (Phot. bibl. cod. 77).

«Он написал об одном и том же предмете два сочинения. В первом он изрекает хулу на чистую веру христианскую, превозносит эллинское суеверие и порицает благочестивых царей; во втором, которое он называет новым изданием, он отчасти отсекает свои нападения на благочестие и сокращает остальную часть труда; но и в этом труде обнаруживается его неистовство. Мы читали и то и другое издание в древних книгах; каждое из них помещено в особой тетради. В новом издании многие места изложены неясно вследствие сделанных отсечений, хотя автор любит ясность. Не знаю, как это случилось, но во втором издании отделенные части нехорошо соединены между собою, а от этого мысли становятся непонятны для читателя».

Здесь стоит заметить, что предметом правок в работе Евнапия являются его сообщения, так или иначе выставляющие христианскую религию в критическом свете. Из этого следует, что эти правки должны были большей частью обойти приводимые им сведения иного характера, в том числе и сообщения о варварах (ниже мы коснёмся этого пункта подробнее).

По поводу структуры его работы и ее конкретных масштабов в историографии нет единого мнения: из одного из отрывков ясно, что Евнапий в недошедшей до нас части «Истории» уделил должное внимание описанию племени гуннов, их происхождения, и сведениям

о них у древних авторов (Eunap. hist. fr. 41). При взгляде на дошедшие отрывки в более широком плане бросается в глаза то, что большая часть их сообщает нам сведения о событиях в империи эпохи Юлиана или позднейших императоров. Возможно, начальная часть «Истории», повествующая о конце III – первой половине IV вв., была не так востребована более поздними читателями и переписчиками эпохи Константина Багрянородного.

Очевидно, что Евнапий получил прекрасное образование и был хорошо знаком с классической традицией. Об этом можно судить по его «Жизнеописаниям софистов», дошедшим почти в полном объеме. Более сложную проблему из себя представляет вопрос источников «Истории» Евнапия – мешает отрывочность текста. Тем не менее, этот вопрос неоднократно становился предметом исследований:

- очевидно, что между трудами Евнапия и Аммиана Марцеллина существует какая-то связь, однако однозначно утверждать, кто из них оказал влиянием, или даже послужил источником другому, сказать сложно⁴²; некоторые исследователи склоняются к тому, что Аммиан был знаком с текстом «Истории» до опубликования своего труда⁴³.

- знакомство Евнапия с Орибасием послужило для первого толчком к написанию исторического труда, и историк в своём описании правления Юлиана опирался на записи Орибасия⁴⁴.

Языку Евнапия внимание уделил ещё Фотий, отметив его стройность и некоторые стилистические недостатки:

«ἔστι δὲ καλλιεπὴς τὴν φράσιν, εἰ περιέλοι τις αὐτῷ τῶν λόγων τὸ ἄλεκτρονῶδες καὶ ἐλαφωδέστερον καὶ συωδέστερον, καὶ δὴ καὶ τοὺς ἱερακώδεις καὶ κορακώδεις καὶ πιθηκώδεις καὶ τὸ ποταμῶδες δάκρυον καὶ τὰ ὅμοια· τούτοις γὰρ καὶ τὴν ἄλλην τῶν ὀνομάτων περιλυμαίνεται καὶ διανοθεύει εὐγένειαν. καὶ τροπαῖς μὲν κέχρηται παραβόλως, ὅπερ ὁ τῆς ἱστορίας οὐκ ἐθέλει νόμος, ἀφαιρεῖται δὲ τὸ λυποῦν ἢ τῆς λέξεως ἔμφασις τὰ πολλὰ καὶ ἀστειότης. τῇ συνθήκῃ δὲ καὶ τῷ σαφεῖ πρὸς ἱστορίαν καὶ ταῖς περίοδους συμμέτρως καὶ οἰκείως ἔχει· πλὴν ἐνιαχοῦ δικανικώτερον μᾶλλον ἢ ἱστορικώτερον μεστοῖ καὶ

⁴² Baldwin B. Eunapios of Sardes // ODB, II. 1991. P. 746.

⁴³ Liebeschuetz W. Pagan Historiography ... P. 188-191; Chalmers W.R. Eunapius, Ammianus Marcellinus, and Zosimus on Julian's Persian Expedition // CQ, 10 (1960). P. 157-159.

⁴⁴ Liebeschuetz W. Pagan Historiography ... P. 183; Moravcsik G. Byzantinoturcica... P. 260.

περιβάλλει τὸν λόγον. νεωτερίζει δ' οὐκ ὀλίγα καὶ περὶ τὰς συντάξεις, πλὴν οὐκ εἰς τὸ ἄχαρι οὐδ' εἰς τὸ ταῖς μεθόδοις λαβὴν ἐπιδοῦναι» (Phot. bibl. cod. 77).

«Слог его хорош, если выключить слова: ἄλεκτρονῶδες, ἐλαφωδέστερον, συωδέστερον, а также ἱερακώδεις, κορακώδεις, πιθηκώδεις, ποταμῶδες δάκρυον и подобные (петушье, оленье, свиное свойство; ястребообразный, воронообразный, обезьянообразный, рекообразная слеза). Этими словами он портит благородство слога; он чрезмерно употребляет тропы, что противно правилам исторического слога. Сила и приятность его слога устраняют неприятность этого впечатления. Историческое изложение его ясно; периоды его соразмерны и полны приличия. Только по временам слог его более судебный, нежели исторический. В словосочинение вводит он немало новизны, но он делает это не без приятности и не вредит своим периодам».

Действительно, язык «Истории» Евнапия достаточно ясен для понимания, и Фотий здесь выделяет в основном лексические особенности, положительно характеризуя его стиль в целом.

В современной литературе внимание на язык и стиль Евнапия вновь обратили статьи Дж. Джигранде⁴⁵, указавшего на зависимость стиля Евнапия от трудов историка III в. н.э. Геродиана, и Б. Болдуина⁴⁶, который обратил внимание не только на широкую начитанность Евнапия (в сохранившихся текстах которого находятся отсылки не только к классическим трудам разнообразных жанров, но и к современным ему христианским писателям), но и на его образный язык и разносторонний стиль, временами весьма саркастический.

Сложную проблему составляет вопрос последующей судьбы «Истории», и ее использования другими историками. Отдельно стоит сказать о том, что Евнапий широко использовался Зосимом для написания своей «Новой истории». Предметом пристального внимания исследователей являлась и является степень этого

⁴⁵ Giangrande G. Herodianismen bei Eunapios: ein Beitrag zur Beleuchtung der Imitatio in der Späteren Gräzität // Hermes, 84 (1956). P. 320-331.

⁴⁶ Baldwin B. The language and style of Eunapius // Byzantinoslavica, 51 (1990). P. 1-19.

использования⁴⁷. Уже Фотий говорит нам о труде Зосима над своей «Новой историей» как о «переписывании» Евнапия («...Εἶποι δ' ἄν τις οὐ γράψαι αὐτὸν ἱστορίαν, ἀλλὰ μεταγράψαι τὴν Εὐναπίου...») (Phot. bibl. cod. 98), и о том, что Зосим не особо обращал внимание на характер своих заимствований. Тем не менее, это имеет для нас большое значение, так как текст Зосима известен практически целиком, и местами он обращается к таким местам в тексте «Истории» Евнапия, которые нам сейчас уже недоступны. Замечательная сохранность труда Зосима в сравнении с его современниками даёт возможность для подробного исследования не только его источников, но и характера его работы с ними.

Уже отмечалось, что ею пользовался Зосим для своей «Новой истории»; широко она представлена и в извлечениях Константина Багрянородного; несколько статей в «Суде» чётко связываются с использованием Евнапия, но, скорее всего, уже только в составе «Эксерпт»⁴⁸, что говорит о невысокой популярности его «Истории» в ранне- и средневизантийскую эпоху. Объясняться это могло, по большей части, её антихристианским характером.

2. 2. Евнапий о скифах

Сам текст его «Истории» представляет для рассмотрения вопроса об изображении варваров (и «скифов» в том числе) серьёзный интерес, так как Евнапий был не только младшим современником Юлиана, но и свидетелем гуннских передвижений второй половины IV в., а также переселения готских племён на территорию римской провинции Фракия в 376 г., и последующих войн с ними римлян.

Евнапий в начале своего исторического труда заявляет, что он продолжает труд Дексиппа, но расходится с ним в концепции написания исторического труда (Eunap. hist. fr. 1). Однако, несомненно, исторические произведения последнего оказали на Евнапия сильное влияние. Наиболее последовательно это можно

⁴⁷ Liebeschuetz W. Pagan Historiography P. 178-179.

⁴⁸ Banchich T.M. Eunapius, Eustathius P. 223; Kazhdan A. Excerpta // ODB, II. 1991. P. 767.

наблюдать на фрагментах из Евнапия, которые посвящены отношениям римских императоров с соседними народами, в особенности – с готами. Бóльшая часть фрагментов Евнапия посвящена событиям 2-й половины IV в., на протяжении которой, как нам известно, отношения Империи с готами были не только интенсивными, но подчас напряжёнными и откровенно враждебными.

Наиболее всего привлекает внимание тот факт, что Евнапий отождествляет готов со скифами⁴⁹, и сообщения о скифских преступлениях часто встречаются у него.

Ещё до появления на исторической арене гуннов, в отрывке, по всей видимости, составлявшем в оригинальном труде историка часть главы, посвящённой войне Валента с Прокопием (365-366 гг.), Евнапий сообщает:

«Ὅτι τῷ βασιλεῖ Οὐάλεντι ἡσυχίαν ἀπὸ τῶν οἰκείων καὶ τῶν ὀθνείων ἄγοντι τὸ ἐπίλεκτον ἀγγέλλεται τῶν Σκυθῶν στράτευμα πλησίον ἤδη που τυγχάνειν, οὗς ὁ Προκόπιος ἐς συμμαχίαν ἐξεκεκλήκει παρὰ τοῦ Σκυθῶν βασιλέως. γαύρους εἶναι τὰ φρονήματα ἔλεγον τοὺς προσιόντας καὶ περιφρονητικοὺς τῶν ὀρωμένων (Ῥωμαίων Bekker | ὠρισμένων de Boor), ὀλιγώρους τε πρὸς τὸ ἀκόλαστον μεθ' ὕβρεως καὶ πολὺ τὸ ἀγέρωχον καὶ θερμὸν ἐπὶ πᾶσιν ἔχοντας. ὁ δὲ βασιλεὺς συντόμως αὐτοὺς ἀποτεμῶν τῆς ἐπὶ Σκύθας ὑποστροφῆς κατεῖχεν ἐντὸς ἀρκύων, καὶ τὰ ὄπλα παραδοῦναι κελεύσας. οἱ δὲ ἔδοσαν, τὴν τῆς γνώμης ὑπεροψίαν μέχρι τοῦ κινήσαι τὰς κόμας (κόμας Wyttenb.) ἐπιδειξάμενοι. διασπείρας οὖν αὐτοὺς κατὰ τὰς πόλεις ἐν ἀδέσμῳ κατεῖχε φρουρᾷ, καὶ καταφρόνησιν ἐνεποιεῖτο τοῖς θεωμένοις αὐτῶν τὰ σώματα πρὸς τε μῆκος ἀχρεῖον ἐλαυνόμενα καὶ βαρύτερα τοῖς ποσί, κατὰ τε τὸ μέσον διεσφιγμένα, ἠπέρ φησιν Ἀριστοτέλης τὰ ἔντομα...». (Eunap. hist. fr. 37).

«Император Валент не вел войны ни с внутренними, ни с внешними врагами, как получил известие, что где-то близко находилось скифское войско, вызванное на помощь Прокопием от царя скифского. Говорили тогда, что приближающиеся скифы были высокомерны, что они презирали всякого, кто им встретится, были склонны к бесчинствам и обидам и со всеми вели себя заносчиво и

⁴⁹ Nechaeva E. Gli Sciti delle grandi migrazioni / La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Atti del convegno internazionale di studi. Cimitile-Santa Maria Capua Vetere, 2011. P. 20.

дерзко. Валент, в короткое время отрезав им обратный путь в Скифию, поймал их как в сети и велел сдать оружие. Скифы сдали оружие, изъясняя нахальство свое потряхиванием волос. Рассеяв их по городам, царь держал их под присмотром, нескованных. Вид их тела, вытянутого в безобразную длину, слишком тяжелого для их ног, а в поясице перехваченного, как Аристотель описывает насекомых, внушал к ним презрение».

Этот отрывок наглядно показывает презрительное отношение Евнапия к варварам – скифам. Они вторглись на территорию Римской империи на помощь повстанцам, и несмотря на великодушие Валента, который пощадил их и взял в плен⁵⁰ – даже после этого они выражали своё недовольство неподобающим образом. В тексте отрывка есть разночтение «...μέχρι τοῦ κινῆσαι τὰς κόμας (κόμας Wyttenb.)...», и в зависимости от его перевода готы выражали своё презрение к победителям тем, что «трясли волосами», или же «разбрелись по деревням». В любом случае, очевидно (и через ссылку на описание насекомых у Аристотеля), что Евнапий здесь в скифах не видит цивилизованных людей, а лишь их подобие, ищущее любых возможностей принести бедствие римскому государству. И переговоры Валента со «скифским царём» также не приводят к взаимопониманию, из-за чего разгорается «скифская» война («...ὁ Σκυθικὸς ἀνευείρεται πόλεμος...»), и Валент вынужден был ещё три года вести боевые действия во Фракии (366-369 гг.), и в конце концов заключить мир с Атанарихом на островке посреди течения Дуная (яркое и образное описание его предпосылок и самих переговоров с проримских позиций – у Фемистия в X речи «На заключение мира»).

Ещё более ярким эти отступления у Евнапия становятся, когда он переходит к описанию того периода, когда на европейском пространстве и, в частности, на римских рубежах появляются гунны.

История появления гуннских племён в европейском ареале, взлёт и падение империи Атилы, а также их происхождение, язык и

⁵⁰ Курбатов Г.Л. Восстание Прокопия (365-366 гг.) // ВВ, 14 (1958). С. 24; Буданова В. П. Древние авторы о размещении готов на Балканах // ВВ, 46 (1986). С. 55-56.

культура привлекали внимание ещё современных событиям авторов: Евнапия, Аммиана Марцеллина, Приска, Иордана, и других. Этим вопросам в историографии посвящено множество работ, и здесь стоит привести некоторые итоги:

1) Относительно происхождения гуннов в историографии нет единого мнения. Во II в. появились этнонимы «Οὐννοί» у Дионисия Периегета (помещавшего их в районе Каспийского моря), и «Χοῦνοι» у Клавдия Птолемея (находящиеся Причерноморье), которые вызывают и по сей день споры относительно их трактовки, происхождения («Οὐννοί» у Дионисия, как установлено, является неправильным чтением в издании К. Мюллера⁵¹) и связи с племенами гуннов, появившимися в поле зрения позднеантичных историков во 2-й половине IV века⁵². Возможно, это могли быть какие-то родственные гуннам племена, проникшие в берегам Чёрного моря уже во II веке⁵³. С уверенностью, однако, можно говорить о прародине кочевых гуннских племён, которую исследователи видят на территории Алтая и Монголии, откуда они двинулись на запад, по пути вбирая и ассимилируя различные племена Западной Сибири и Южного Приуралья. Об их пребывании в Причерноморье также нет твёрдых исторических сведений⁵⁴.

2) Относительно языка гуннов также существует целая дискуссия, и из-за скудности языкового материала однозначно утверждать о правомерности какой-либо теории не представляется возможным⁵⁵. Существует мнение, что первоначально он принадлежал к тюркским языкам, но претерпел значительные изменения по ходу их движения по степным пространствам Евразии к причерноморскому региону⁵⁶. Однако Г. Дёрфер на основании подробного разбора письменных свидетельств о гуннах и возможных следов их языка приходит к

⁵¹ Гиндин Л. А., Иванчик А. И. Комментарий // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1, 1994. С. 86-87.

⁵² Буданова В.П. и др. Великое переселение ... С. 181-182.

⁵³ Там же. С. 183.

⁵⁴ Там же. С. 188-189.

⁵⁵ Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып.1 (1986). С. 77.

⁵⁶ Хауссиг Г.В. К вопросу о происхождении гуннов // ВВ, 38 (1977). С. 69-71.

выводу о том, что надёжно установить генетическое родство языка европейских гуннов IV-V в. нельзя ни с одним из предполагаемых языков-предков (сюнну или хун), и любые построения относительно принадлежности его к какой-либо из известных языковых семей не имеют под собой надёжных оснований⁵⁷.

Тем не менее, существуют и гораздо более «оптимистические» работы, где на основе лингвистического анализа ономастических свидетельств о гуннском языке из письменных памятников V – VI вв. автор статьи приходит к таким выводам:

1. язык гуннов тюркско-монгольского происхождения, и более тяготеет к тюркским языкам;
2. на основании проведённого анализа вполне возможно реконструировать не только морфонологическую систему, но и систему акцентуации гуннского языка⁵⁸.

Возвращаясь к гуннам у Евнапия, необходимо отметить, что для написания не дошедшей до нас части его сочинения, посвящённой истории гуннов, он использовал не только письменные источники, но и сведения очевидцев:

«τὰ μὲν οὖν τὰ πρῶτα τῆς συγγραφῆς, οὐδενὸς οὐδὲν σαφές λέγειν ἔχοντος ὅθεν τε ὄντες οἱ Οὐννοὶ ὅπη τε κείμενοι τὴν Εὐρώπην πᾶσαν ἐπέδραμον καὶ τὸ Σκυθικὸν ἔτριψαν γένος, ἐκ τῶν παλαιῶν συντιθέντι κατὰ τοὺς εἰκότας λογισμοὺς εἴρηται· τὰ δὲ ἐκ τῶν ἀπαγγελλομένων δοξάζοντι πρὸς τὸ ἀκριβές, ὡς ἂν μὴ τοῦ πιθανοῦ τὴν γραφὴν ἀπαρτήσαιμεν μηδὲ παραφέροι πρὸς τὴν ἀλήθειαν ὁ λόγος» (Eunap. hist. fr. 41, 1)

1 τὰ μὲν οὖν Boiss. | <κατὰ> μὲν οὖν Mai | κατὰ μὲν οὖν <τὰ> Niebuhr.

«Первая часть сообщения о том, кто такие гунны и откуда они появились, каким образом опустошили всю Европу и истребили род скифов, составлена из трудов древних авторов и изложена по порядку; другая же часть – из устных сообщений, которые были сочтены

⁵⁷ Дёрфер Г. О языке гуннов... С. 113.

⁵⁸ Pritsak O. The hunnic language of the Attila clan // HUS, 6 (1982). Pp. 470-471.

точными, чтобы в сочинении мы не удалились от правдоподобного, и речь не удалялась от истины» (перевод мой – А. Ц.).

В начале этого фрагмента возникают сложности с пониманием смысла текста. На основании принятия того или иного чтения исследователи по-разному анализировали отрывок: в одном случае, Евнапий мог говорить о тех сведениях, которые он приводил ранее в своём труде, в другом – о сведениях, которые были у него в пресловутом «первом издании»⁵⁹. Здесь справедливо поставить вопрос – могла ли вторая редакция касаться не только антихристианских фрагментов, но и сведений иного рода (в данном случае сведений о гуннах). Издатель Евнапия Р. Блокли принимает чтение Буассонда, при котором его перевод выглядит как «the first accounts of the History of the Huns...». Более обоснованной кажется версия А. Бэйкера, рассмотревшего также и особенности употребления, и различные коннотации термина «συγγραφή» в других сочинениях Евнапия, и на материале анализа его употребления в исторической литературе эпохи ранней Империи. Он приходит к выводу о том, что речь в начале отрывка шла о сведениях, полученных из разных источников (устных и письменных): «The first elements of the account [i.e., the Hunnic account] ... have been stated by composing from the Ancients on the principle of reasonable reckonings; the other elements [have been or will be stated] from oral reports, by forming an opinion with a view towards accuracy...»⁶⁰.

Помимо всего прочего, свидетельство Евнапия, наряду с данными Аммиана и некоторых других историков (Орозия, Филосторгия), является одним из наиболее ранних достоверных сведений о европейских гуннах. И большинство этих сообщений происходит из скифского логоса Геродота, упоминания нервов и других племён; логично поставить вопрос о том, а верили ли они сами в то, что писали? Э. А. Томпсон по этому поводу замечает, что на

⁵⁹ Baker A. Eunapius' Νέα Ἐκδοσις and Photius... P. 399-400.

⁶⁰ Ibid. P. 400-402.

первый взгляд нелепое желание поздних авторов связывать свои данные с информацией, зафиксированной ещё в V-IV вв. до н.э., могут пониматься не столько как чья-то глупость, сколько как отнесение себя к определённомu социальному классу, образованному кругу людей⁶¹.

Описания скифов, подвергнувшихся нападению гуннов, у Евнапия чрезвычайно красочны:

«Ὅτι τῶν Σκυθῶν ἠττηθέντων καὶ ὑπὸ τῶν Οὐννων ἀναιρεθέντων καὶ ἄρδην ἀπολλυμένων τὸ πλῆθος, οἱ μὲν ἐγκαταλαμβανόμενοι σὺν γυναίξῃ καὶ τέκνοις διεφθείροντο, καὶ οὐδεμία φειδῶ τῆς περὶ τοὺς φόνους ἦν ὠμότητος. τὸ δὲ συναλισθὲν καὶ πρὸς φυγὴν ὀρμήσαν πλῆθος μὲν οὐ πολὺ τῶν εἴκοσι μυριάδων ἀποδέον, συνῆλθον ἐς <τὸν Ἴστρον οἱ ἐς> τὸ μάχιμον ἀκμαζόντες ἄνδρες καὶ ταῖς ὄχθαις ἐπιστάντες χειρὰς τε ὄρεγον πόρρωθεν μετ' ὀλοφυρμῶν καὶ βοῆς καὶ προέτεινον ἱκετηρίας, ἐπιτραπῆναι τὴν διάβασιν παρακαλοῦντες καὶ τὴν σφῶν συμφορὰν ὀδυρόμενοι καὶ προσθήκην τῇ συμμαχίᾳ παρέξειν ἐπαγγελλόμενοι.» (Eunap. hist. fr. 42).

«Скифы, побежденные, истреблялись гуннами. Множество их погибло совершенно. Одних ловили и побивали вместе с женами и детьми, и жестокости при убиении их не было меры. Толпа же собравшихся и устремившихся к бегству немногим не доходила до двухсот тысяч человек, наиболее способных к войне. Двинувшись, и встав на берегу реки, они издали простирали руки с рыданием и воплем, и умоляли о позволении переправиться через реку. Они оплакивали свои бедствия и обещали отдаться римлянам как союзники».

Евнапий здесь ярко, с обилием эпитетов и сравнений, даёт картину настоящего бедствия, которому подверглись скифы. Ещё до получения разрешения императора на переправу, часть наиболее дерзких скифов предпринимает попытку к переправе, за которую и расплачивается жизнью («...πρὶν δὲ τὴν διάβασιν ἐκ βασιλέως ἐπιτραπῆναι, Σκυθῶν οἱ τολμηρότατοι καὶ ἀυθάδεις βιάσασθαι τὸν πόρον ἔγνωσαν, καὶ βιαζόμενοι κατεκόπησαν...») (Eunap. hist. fr. 42). Далее мы видим из повествования Евнапия, как прельщённые жадностью и страстями

⁶¹ Thompson E. A. The history of the Attila... P. 19.

римские чиновники, несмотря на распоряжение императора, пропускают беженцев на римские земли с оружием, «будто благодетелей и спасителей» («...νικηθέντες δὲ ὑπὸ τούτων νίκην αἰσχίστην καὶ παρανομωτάτην, ὥσπερ τινὰς εὐεργέτας καὶ σωτήρας παλαιοὺς μετὰ τῶν ὀπλῶν ἐδέξαντο...»). А скифы, в свою очередь, оказавшись в безопасности, тотчас же «обнаружили всё своё варварство недоверием и вероломством» («...εὐθὺς πολὺ τὸ βάρβαρον ἐν τῷ παρασπόνδῳ καὶ ἀπίστῳ διέφαινον...») (Eunap. hist. fr. 42). Помимо всего прочего, Евнапий приводит в качестве примера их вероломства и то, что скифы, будучи втайне язычниками, выставляли себя в качестве христиан, и даже облекались в монашеские одежды, узнав о почтении к ним среди римлян (Eunap. hist. fr. 48, 2).

Затем Евнапий описывает преступления, творимые скифами на римской земле, и даже отсылает к мифическим временам Ясона и аргонавтов:

«...οὐ γὰρ ἔφθασαν τοῦ Σκυθικοῦ γένους ἐς τὴν ἐπικράτειαν τὴν Ῥωμαϊκὴν οἱ παῖδες ὥσπερ ὀδόντες διασπαρέντες. καὶ πάντα ἦν μεστὰ θυμοῦ καὶ μανίας καὶ φόνων, ἀνελθόντων αὐτῶν ἐς ἡλικίαν μάχιμον παρὰ τὸν χρόνον. τὸ δὲ ἀκμάζον τῆς Σκυθικῆς ἀλκῆς καὶ γενναιότητος, τοῖς ὑποδεξαμένοις ἀντὶ τῶν ἐκβεβληκότων ἐς ἐπανάστασιν εὐθὺς ἐγερθέν καὶ μαχόμενον, πολὺ δεινότερα καὶ τραγικώτερα συνετόλμησεν ὧν ἔπαθεν. ἡ μὲν γὰρ Θράκη πᾶσα καὶ ἡ συνεχῆς αὐτῇ χώρα Μακεδονία καὶ Θετταλία τοιαύτη τίς ἐστὶ καὶ οὕτω πολυύμνητος ὥστε οὐδέ εἰς κατὰ ταῦτα ἀναγράφειν λόγος ἦν. τοσαύτην δὲ οὐδὲσαν αὐτὴν καὶ οὕτω πολυάνθρωπον, εὐδαίμονά τε ἅμα καὶ εὐάνδρον, ἡ τῶν Σκυθῶν ἄπιστος καὶ παράλογος ἐπανάστασις ἔξαπιναίως καὶ παραχρήμα τῆς διαβάσεως συντολμηθεῖσα καὶ ἀνοιδήσασα κατεστόρεσεν ἐς τοσόνδε καὶ καθημάξενε ταῖς συμφοραῖς, ὥστε χρυσὸν ἀποδειχθῆναι πρὸς τὰ Θράκια πάθη τὴν Μυσῶν παροιμιώδη λείαν...». (Eunap. hist. fr. 42).

«Едва дети скифского племени были посеяны, подобно драконовым зубам, по римским владениям, преждевременно вошли в силу и могли носить оружие, как всюду распространились действия их ярости, бешенства и кровожадности. Те скифы, которые цвели силой и мужеством, вдруг восстали против тех, которые приняли их к себе, и, сражаясь против них, вместо того чтобы сразиться с изгнавшими их гуннами, причинили римлянам больше жестокостей и ужасов,

нежели сами претерпели от гуннов. Вся Фракия, и смежная с ней Македония и Фессалия так известны и так прославлены, что не осталось слов для их описания. Но эти области, столь богатые, столь многолюдные, столь цветущие сильным населением, неожиданным предательским мятежом скифов, открывшимся внезапно вместе с переправой и разлившимся с такой смелостью и силой, были до того опустошены, приведены в такое разорение, что вошедшие в пословицу грабежи мисов казались золотом в сравнении с настоящими напастями Фракии».

Подытоживает Евнапий этот насыщенный пассаж словами о том, что имя скифов для римлян было так же невыносимо слышать, как имя гуннов для скифов («...περιειστήκει δὲ ἐς ἴσον λόγον καὶ Σκύθας Οὐννων μὴ φέρειν ὄνομα καὶ Ῥωμαίους Σκυθῶν...») (Eunap. hist. fr. 42).

Тем не менее, Евнапий не всех «скифов» считал такими бесчестными и лживыми людьми. Сообщая о противоречиях внутри готского общества, он раскрывает их причины: стремление одной части готов к традиционным для них обману и козням против римлян, а другой – к мирному существованию. Вождём последней партии был Фравитта, «человек молодой и преисполненный доблести и справедливости, лучший из всех людей» («...ἦν δὲ ἡγεμὼν τῆς μὲν θεοφιλοῦς καὶ θείας μερίδος Φράβιθος, ἀνὴρ νέος μὲν κατὰ τὴν ἡλικίαν, γεγωνῶς δὲ ἐς ἀρετὴν καὶ ἀλήθειαν ἀπάντων ἀνθρώπων κάλλιστος...»). Евнапий, видимо, положительно его оценивал не только из-за нрава, но и по причине его языческого вероисповедания, («...θεοὺς τε γὰρ ὠμολόγει θεραπεύειν κατὰ τὸν ἀρχαῖον τρόπον ...»). Помимо этого, Фравитта женился на римлянке, «чтобы не совершать насилие из-за телесной нужды» («...γυναῖκα οὖν ἤτησε Ῥωμαίαν εὐθύς, ἵνα μηδὲν ὑβρίζη διὰ σώματος ἀνάγκην...») (Eunap. hist. fr. 59). Евнапий даже сравнивает его со спартанцем в стремлении выигрывать сражения («...ἀσφαλῆς γὰρ ἦν ἐπὶ τῇ νίκῃ κερδαίνων τὸ ἔργον καὶ Λακωνικός τις...») (Eunap. hist. fr. 69, 4).

Относительно употребления различных названий народов Евнапий достаточно последователен и не допускает путаницы. Этнонима «готы» он не называет, хотя очевидно, что он не мог его не

знать, взявшись за продолжение исторических трудов Дексиппа, и будучи современником событий, отмеченных резко возросшей ролью готов в жизни Римской империи. Тем не менее, для него они только «скифы». Но, описывая их движение к берегам Истра и затем расселение по Фракии, он сообщает, что это целый народ, согнанный со своей родины гуннами, и бродящий в поисках нового места для поселения, со своими пожитками, и неотъемлемым для каждого рода святилищем («...εἶχε δὲ ἐκάστη φυλὴ ἱερά τε οἴκοθεν...») (Eunap. hist. fr. 48, 2). Очевидно, что здесь идёт речь о земледельческом народе, бросившем свои земли из-за угрозы истребления. Для Евнапия, по всей видимости, бывшее неотделимое качество «скифов» - кочевой образ жизни, было теперь неважно. Скорее всего, он считал их «скифами», вслед за Дексиппом, по географическому признаку⁶² – проживанию в причерноморских, задунайских землях, откуда они и двинулись к римским границам. Поэтому он, возможно, и не отождествлял их с гуннами, так как те пришли откуда-то с востока, из неизвестных рубежей (необоснованными кажутся сомнения в том, что этому вопросу он уделил достаточно времени).

Такая ненависть к скифам обусловлена патриотизмом Евнапия, бывшего свидетелем крупных поражений римлян. Осознание её упадка после блестящего правления Юлиана, предвидевшего готскую катастрофу (Eunap. hist. fr. 27, 1), безусловно, угнетало его. Описания стенаний готов, и козней, подстроженных ими для поселения на римской земле, идут у Евнапия часто параллельно с описаниями пороков римских чиновников, и глупостью ближайших к императору людей. В совокупности это дало то, о чём сообщают нам последние отрывки Евнапия: абсолютную власть продажной бюрократии, стремившейся лишь к собственному обогащению. Примечательно, что в качестве метафоры происходящему Евнапий приводит слова скифа Анахарсиса: законы не то что слабее и тоньше паутины – они так шатки, что разлетаются и исчезают легче пыли («...ἀλλ' οἱ μὲν νόμοι

⁶² Нечаева Е. Н. Понятие "скифы" в приложении к варварам во времена поздней империи // Жебелёвские чтения – II. Тезисы докладов научной конференции СПбГУ. СПб, 1999.

κατὰ τὸν Σκύθην Ἀνάχαρσιν οὐκ ἀραχνίων ἦσαν ἀσθενέστεροι καὶ λεπτότεροι μόνον, ἀλλὰ καὶ κονιορτοῦ παντὸς πρὸς τὸ ρεῖν εὐκόλως καὶ διανεμοῦσθαι παραφορώτεροι») (Eunap. hist. fr. 72, 1).

Подводя итог, можно сказать, что у Евнапия скифы – это один их главных объектов описания. Под скифами, которые изображены у него как бедствие для римского государства, подразумеваются готские племена (по крайней мере, он не разделяет переселенцев на племена; возможно, об аланах, перешедших в 376 г. Дунай, он и не знает). Их образ жизни для него не играет существенной роли, скифы они, прежде всего, потому, что пришли из скифских земель. Тем не менее, и пример «скифа» Фравитта, и скифа Анахарсиса показывает, что Евнапий не был слеп в своей ненависти в нем, и выделял из варварской среды достойных (на его взгляд) людей.

Глава 3. Приск Панийский

3.1. Жизнь и литературная деятельность

Для исследователей Византии V века сочинения Приска, ритора и историка, представляют живейший интерес не только в рамках истории взаимоотношений между Византией и кочевой державой гуннов и изучения методов дипломатии, но также для исследования социально-экономической истории Византии, географических знаний византийцев, и т.п. Тем не менее, в историографии вопроса, посвящённого изучению позднеантичного варварства и его отношений с позднеримской Империей, сведения Приска справедливо считаются наиболее авторитетным источником для изучения империи гуннов в середине V в., и личности Атиллы.

О биографии Приска сохранилось очень мало сведений. Датировка его жизни основана на предположениях, и примерно соответствует 410-475 гг. Он родился во фракийском городе Паний, в семье, возможно, происходившей из Сирии⁶³. Получил хорошее образование. Начиная как преподаватель ораторского искусства⁶⁴ или адвокат⁶⁵, похоже, уже в Константинополе⁶⁶, а затем стал участником нескольких византийских посольств, в том числе и ко двору Атиллы (448-449 г.). Затем он вновь сопровождал Максимиана, но уже в Дамаск и египетские Фивы (452-453 гг.), а после его смерти был приближённым магистра оффиций Евфимия⁶⁷.

«Суда» приписывает ему различные письма и риторические упражнения, однако они не сохранились⁶⁸:

«Πρίσκος, Πανίτης, σοφιστής, γεγονός ἐπὶ τῶν χρόνων Θεοδοσίου τοῦ μικροῦ. ἔγραψεν ἱστορίαν Βυζαντιακὴν, καὶ τὰ κατὰ Ἄτταλον ἐν βιβλίοις ἡμελέτας τε ῥητορικὰς, καὶ ἐπιστολάς» (Suid., s.v. Πρίσκος).

⁶³ Enßlin W. Priskos 35 // RE, XXIII, 1 (1957). P. 9.

⁶⁴ Козлов А. С. "Византийская история" Приска Панийского как памятник классического исторического нарратива // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 15 (2015). С. 153.

⁶⁵ Гиндин Л.А., Иванчик А.И. Приск ... С. 81; Baldwin B. Priscus // Byzantion, 50 (1980). P. 21.

⁶⁶ Baldwin B. Priscus ... P. 20-21.

⁶⁷ Enßlin W. Priskos... P. 9; Гиндин Л.А., Иванчик А.И. Приск... С. 81; Baldwin B. Priscus ... P. 24-25.

⁶⁸ Гиндин Л.А., Иванчик А.И. Приск... С. 81.

«Приск, уроженец города Паний, софист, живший в эпоху Феодосия младшего. Написал «Византийскую историю», а также сочинение «История после Атиллы» в восьми книгах. Также он автор риторических упражнений и писем» (перевод мой – А. Ц.).

До настоящего времени (бóльшей частью в составе «Эксцерптов» Константина Багрянородного) дошёл его исторический труд⁶⁹, посвящённый истории византийско-гуннских отношений в V веке, и описанию посольства к Атилле, в котором участвовал и сам автор. Касательно его названия нет точных сведений; по всей видимости, ни данные «Суды», ни рукописные названия не отражают точного наименования⁷⁰. Помимо них, цитаты из Приска можно обнаружить у Иордана, Евагрия, Пасхальной хроники и Феофана⁷¹. Также его сочинение (в составе «Эксцерптов») было источником для написания статей «Суды»⁷².

Неясным остаются также и его хронологические рамки: исходя из датировок сохранившихся отрывков Приска (433 - 471 гг.), вполне вероятно предположение, что он писал свой труд как продолжение «Истории» Олимпиодора Фиванского, оканчивавшейся на событиях 425 г. Многие учёные принимают точку зрения Нибура, датировавшего начало «Истории» Приска 433 г.⁷³, т.е. первым сохранившимся отрывком. Предположение о том, что Приск закончил свой труд на 474 г., т.е. описав смерть Льва I в недошедшей до нас части, остаётся до сих пор предположением⁷⁴, однако более вероятным вследствие того, что свой труд другой византийский историк, младший современник Приска Малх Филадельфийский, начал с описания событий 474 г., и мог продолжить труд Приска.

Источники, которыми Приск достоверно пользовался в написании своей работы, сложно определимы не только из-за фрагментарности его труда, но и потому, что он в подавляющей его

⁶⁹ Нумерация отрывков приводится по изданию Р. Блокли.

⁷⁰ Гиндин Л.А., Иванчик А.И. Приск... С. 81

⁷¹ Enßlin W. Priskos ... P. 9

⁷² Гиндин Л. А., Иванчик А. И. Приск...С. 82.

⁷³ Baldwin B. Priscus ... P. 27.

⁷⁴ Ibid. P. 27-28.

части излагает события, которым он уже был свидетелем и очевидцем во взрослом возрасте, и опирается прежде всего на собственные заметки, сделанные во время путешествий⁷⁵. Однако несомненное влияние на него оказали произведения Фукидида и Геродота. Обнаруживает он знакомство с Горацием; из более поздних авторов он в какой-то степени был знаком с трудом Аммиана Марцеллина⁷⁶.

Следование Олимпиодору косвенно может подтверждаться риторическим, но при этом достаточно ясным стилем, строгими портретами, небольшим количеством речей, что отсылает к определённым стандартам в написании исторического труда⁷⁷. Он избегает чрезмерного использования латинской терминологии, старается не отходить от жанровых характеристик своего труда: следуя Фукидиду и Геродоту, он ориентируется на каждого из них в зависимости от предмета описания. Например, в описании осады Наисса явно прослеживается влияние осады г. Платеи в «Истории» Фукидида (возможно знакомство также с Дексиппом). В то же время, к этнографическим фрагментам Геродота отсылают его упоминания найденного Аттилой меча⁷⁸.

Последующая судьба его сочинения в византийской литературе отчётливо выступает через заимствования и ссылки на его труд. Очевидно, что он, как единственный современник (и непосредственный участник) событий 440-х – 450-х гг., оставивший нам историческое произведение, имел в историографии весомый авторитет – последующие авторы при описании этой эпохи опирались на него⁷⁹.

⁷⁵ Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974. С. 100-101; Nechaeva E. Gli Sciti delle grandi P. 25.

⁷⁶ Гиндин Л. А., Иванчик А. И. Приск...С. 82.

⁷⁷ Baldwin B. Priscus ... P. 49.

⁷⁸ Blockley R. Priscus of Panium // The fragmentary classicising historians of the Late Roman empire. Vol. I, 1981. – P. 54-55.

⁷⁹ Moravcsik G. Byzantinoturcica.... P. 481.

3.2 Приск о скифах

Повествованию об отношениях позднеримского государства с варварами, а также описанию собственного дипломатического опыта и наблюдений в лагере Аттилы посвящена практически вся «История» Приска.

Первый фрагмент из его труда датируется 433 г., и повествует о начавшейся войне гуннского царя Руа с несколькими племенами («Ὅτι Ῥοῦα βασιλεύοντος Οὐννων, Ἀμιλζούροις καὶ Ἰτιμάροις καὶ Τοῦνσουρσι καὶ Βοῖσκοῖς καὶ ἑτέροις ἔθνεσι προσοικοῦσι τὸν Ἰστρον...ἐς μάχην ἔλθειν...»), и переговорах римских военачальников Плинты и Эпигена с представителями гуннских царей – Аттилы и Бледы. Приск сообщает, что на переговоры в иллирийский город Марг с римлянами приехали «царские скифы» («...εἰς ἣν καὶ οἱ βασιλῆιοι συνήεσαν Σκύθαι...»). Несомненно, здесь подразумеваются гуннские посланники, однако Приск использует геродотовский этноним, вероятно, чтобы некоторым образом выделить гуннских представителей в общей массе разнородных скифских народностей, проживавших на территории их империи. Характерная черта в описании этих «царских скифов» Приска – их постоянное пребывание в седле («...καὶ τὴν σύνοδον ἔξω τῆς πόλεως ἐποιοῦντο ἐπιβεβηκότες ἵππων...»), была отмечена ещё Г. С. Дестунисом⁸⁰, который справедливо проводит параллель со свидетельствами Аммиана Марцеллина и Зосима (который опирается на данном случае на Евнапия). Приск использует этноним «царские скифы» в этом отрывке и далее, как синоним к наименованию «гунны». При этом переговоры ведутся на предмет выдачи римлянами всех, сбежавших к ним «из пределов Скифии» («...τοὺς ἀπὸ τῆς Σκυθικῆς καταφεύγοντας...»). Сразу после окончания переговоров эти гуннские посланники Аттилы и Бледы, взявшись за покорение других скифских народов, отправились на войну с соросгами («...οἱ δὲ περὶ Ἀττίλαν καὶ Βλήδαν τὴν εἰρήνην πρὸς Ῥωμαίους θέμενοι διεξήεσαν τὰ ἐν τῇ Σκυθικῇ ἔθνη χειρούμενοι καὶ πόλεμον πρὸς Σορόσγους συνεστήσαντο»). Отмечая некую общность этих народов, населяющих «скифские пространства»,

⁸⁰ Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского. Прим. 6. С. 20-21.

Приск, как уже отмечалось, желая выделить главенствующий народ, даёт ему имя, отсылающее к геродотовской традиции («скифы самые храбрые, самые многочисленные, и считают других скифов своими рабами») (Her. IV 20). На этом отсылки к Геродоту не заканчиваются: подобная схожесть наблюдается и в описании Приском того, как поклонялись скифы новонайденному мечу Ареса, которым обладал Аттила (Prisc. Pan. 12, 1).

Перед глазами встаёт картина огромной и разнородной Скифии (переговоры послов проходили практически на берегу Истра, естественной границы римских земель и варварского пространства), во главе которой утвердились гунны, покорявшие одни племена за другими:

«...συνέβαινε γὰρ αὐτὸν σὺν τῷ πρεσβυτέρῳ τῶν Ἀττήλα παίδων ἐς τὸ τῶν Ἀκατίρων ἔθνος ἐστάλθαι, ὃ ἐστὶ Σκυθικὸν ἔθνος, παρέστη δὲ τῷ Ἀττήλα ἐξ αἰτίας τοιαύδε...» (Prisc. Pan. fr. 11, 2).

«[Онигисий] в это время был послан с старшим сыном Аттилы к акацирам, народу скифскому, покорившемуся Аттиле по следующей причине».

В дальнейшем повествовании Приск снова упоминает этого сына, но уже как властителя не только акациров⁸¹, но и других народов, обитавших в северопричерноморской зоне:

«ἐγὼ δὲ τῇ ὑστεραία εἰς τὸν Ἀττήλα περίβολον ἀφικνοῦμαι δῶρα τῇ αὐτοῦ κομίζων γαμετῇ, (Κρέκα δὲ ὄνομα αὐτῇ) ἐξ ἧς αὐτῷ παῖδες ἐγεγόνεισαν τρεῖς, ὧν ὁ πρεσβύτερος ἦρχε τῶν Ἀκατίρων καὶ τῶν λοιπῶν ἔθνῶν τῶν νεμομένων τὴν πρὸς τῷ Πόντῳ Σκυθικήν» (Prisc. Pan. 11, 2).

«На другой день я пошел ко двору Аттилы с подарками для его супруги. Имя ее Крека. Аттила имел от нее трёх детей, из которых старший был владельцем акациров и других народов, занимающих Припонтийскую Скифию».

Употребление терминов «скифы» и «гунны» в описании различных столкновений (предательство епископа г. Марг, осада

⁸¹ Акациры известны и под другими этнонимами в различных письменных традициях: см.: Thompson E. A. The history of Attila ... Pp. 95-97.

скифами-гуннами г. Асимунт) у Приска синонимично (Prisc. Pan. fr. 6, 1; 9, 1; 9, 3). Так как вышеперечисленные отрывки имеют в содержании описание военных столкновений, и в составе «скифских» войск присутствуют не только сами гунны, но и покорённые ими народы, Приск не считает нужным здесь как-то их выделять, в отличие, скажем, от первого фрагмента, в котором очевидно присутствие лишь гуннских представителей, которых Приск и обособил.

Опять же, это прослеживается и в отрывке, посвящённом разговору евнуха Хризафия с важным «скифом», посланником Аттилы Эдеконом:

«...ἐπυνθάνετο ὁ εὐνοῦχος εἴ γε ἀκόλυτος αὐτῷ ἢ παρὰ τὸν Ἀττήλαν εἶη εἴσοδος καὶ δύναμιν παρὰ Σκύθαις ἔχοι τινά. τοῦ δὲ ἀποκριναμένου ὡς καὶ ἐπιτήδειος εἶη τῷ Ἀττήλῃ καὶ τὴν αὐτοῦ ἅμα τοῖς εἰς τοῦτο ἀποκεκριμένοις λογάσιν ἐμπιστεύεται φυλακὴν, (ἐκ διαδοχῆς γὰρ κατὰ ῥητὰς ἡμέρας ἕκαστον αὐτῶν ἔλεγε μεθ' ὀπλων φυλάττειν τὸν Ἀττήλαν)...» (Prisc. Pan. fr. 11, 1).

«...евнух спросил тогда у него [Эдекона]: имеет ли он всегда свободный доступ к Аттиле, и какую силою пользуется между скифами. Эдекон отвечал, что он близкий человек к Аттиле, и что ему, вместе с другими значительнейшими скифами, вверяется охранение царя, что каждый из них по очереди в определенные дни держит при нем вооруженный караул».

Здесь мы видим, что, несмотря на описание ближайшего окружения Аттилы, речь идёт не о гуннах, но о скифах, что говорит о его разнородном характере – Аттила приближал к себе людей из самых разных племён, оказавшихся под его властью.

Что касается римской власти, то она не желала отправления к Аттиле высших сановников – ведь послания всегда доставляли рядовые воины или вестники («...ἀλλὰ πρεσβεύσασθαι τὸν τε ἐπιτυχόντα στρατιώτην καὶ ἀγγελιαφόρον...»), и такого, чтобы знатный римлянин выполнял роль гонца, «не бывало никогда ни при каких скифских правителях» («...οὐδέ ἐπὶ ἑτέρων τῶν ἀρξάντων τῆς Σκυθικῆς γενέσθαι...»). Римские власти, по всей видимости, не желая ронять авторитет в глазах «скифского» владыки, и говорили в этом месте лишь об эпохе

гуннского владычества в придунайском регионе (меньше столетия), так как нам известны случаи присутствия на разных переговорах не только высоких чинов двора, но даже и императора (например, заключение мира между Валентом и готским вождём Атанарихом в 370 г., происходившее при личной встрече на островке посреди Дуная).

Наиболее ценным среди дошедших фрагментов Приска многие исследователи признают фрагмент, в котором Приск сообщает о посольствах к Атилe в 448-449 гг. (fr. 8 - в издании Диндорфа, fr. 11, 2 – в издании Блокли), в котором описано путешествие самого Приска в лагерь Атилы через земли, населённые самыми разными, подчинившимися ему племенами. Здесь Приск выступает не столько как историк, собравший, предоставивший свидетельства различной степени достоверности, и изложивший свою точку зрения, сколько как очевидец, описавший (весьма подробно) происходившие в ходе этих переговоров события самой разной степени важности, и свои впечатления от путешествия по гуннским землям.

Эта оценка его сведений в этом фрагменте так же справедлива и в отношении сообщений, каким-либо образом относящихся к вопросу об этническом составе гуннской державы, о языках её народов, их отношениях между собой и с римским государством.

Например, свидетельствуя о беседе с посланцами Атилы, Приск сообщает:

«ὄς δὲ ἐκεῖνον ἔλεγεν μὴ δεῖν χαλεπαίνειν ὡς τῶν αὐτῶν Ἐδέκωνι μὴ τυγχάνοντα· αὐτὸν μὲν γὰρ ὀπάονά τε καὶ ὑπογραφέα εἶναι Ἀττήλα, Ἐδέκωνα δὲ τὰ κατὰ πόλεμον ἄριστον καὶ τοῦ Οὐννου γένους ἀναβεβηκέναι τὸν Ὀρέστην πολύ» (Prisc. Pan. fr. 11, 2).

«[Вигила] заметил, что [Оресту] не следовало сердиться за то, что ему не были оказаны почести такие же, какие и Эдикону; ибо Орест был домочадец и писец Атилы, а Эдикон, как человек на войне знаменитый и природный гунн, далеко превышал Ореста».

Обсуждая поведение Ореста, Вигила отметил, что ему, писцу Атилы (в противоположность Эдикону - не гуннского

происхождения), не стоит пытаться равняться с Эдеконом, который помимо своих военных успехов, был «гуннского рода». Вполне естественно предположить, что, несмотря на полиэтничность окружения Аттилы, он в том, что касается решений различных вопросов и задач государственного масштаба, опирался на своих соплеменников. Тем не менее, среди его ближайших приближённых и советников были не только гунны:

«...ὅπου τοῖς Σκύθαις ἐδόκει, Ἐδέκων καὶ Ὀρέστης καὶ Σκόττας καὶ ἕτεροι τῶν ἐν αὐτοῖς λογάδων ἦκον ἀνερωτῶντες τίνων τυχεῖν ἐσπουδακότες τὴν πρεσβείαν ποιούμεθα. ἡμῶν δὲ τὴν ἄλογον ἀποθουμαζόντων ἐρώτησιν καὶ ἐς ἀλλήλους ὁρώντων, διετέλουν πρὸς ὄχλου τῆς ἀποκρίσεως ἕνεκα γινόμενοι» (Prisc. Pan. fr. 11, 2).

«Тогда Эдикон, Орест, Скотта и некоторые из важнейших скифов пришли к нам и спрашивали о цели нашего посольства. Столь странный вопрос удивил нас. Мы смотрели друг на друга. Скифы, беспокоя нас, настоятельно требовали, чтобы мы дали им ответ».

Сообщая о претензиях к ним, Приск характеризует группу спросивших как «τῶν ἐν αὐτοῖς λογάδων», то есть «отборные среди них». Как понимать, кого представляют эти отборные, важные люди – гуннов или скифов? Р. Блокли так переводит начало это фрагмента: «Edeco, Orestes, Scottas and others of the leading men amongst the Huns came and ask...», но в оригинальном тексте гунны не упоминаются. Перевод Г. С. Дестуниса кажется здесь более правильным: исходя из того, что в предыдущем предложении шла речь о скифах, которые принимали пищу вместе с Приском и его спутниками («...καὶ δὴ ἄνδρες β' Σκύθαι παρεγίνοντο ὡς τὸν Ἀττίλαν ἡμᾶς ἀπιέναι παρακελεύόμενοι. ἡμῶν δὲ πρότερον ἐπὶ τὸ δεῖπνον αὐτοὺς ἐλθεῖν αἰτησάντων, ἀποβάντες τῶν ἵππων εὐωχήθησαν...»), сопровождали затем римских послов («...καὶ ἡμῖν τῆς ὁδοῦ τῇ ὑστεραία ἠγήσαντο...») и указали им, где ставить палатку («...καταλυσάντων δὲ ὅπου τοῖς Σκύθαις ἐδόκει...»). В этом случае стоит понимать «скифы» как собирательный термин⁸². Поэтому и группу из

⁸² Нечаева Е. Н. Понятие "скифы" в приложении к варварам во времена поздней империи // Жебелёвские чтения – II. Тезисы докладов

Эдекона, Ореста, и других стоит относить к скифам в этом широком значении.

Приск, описывая своё продвижение по гуннским землям и считая окружавших его местных людей («...ἤκον ἡμῖν βοῦν ἄγοντές τινες καὶ ποταμίους ἰχθύας παρὰ τοῦ Ἀττίλα διαπεμφθέντας...») скифами, использует другой, очевидный синоним для их описания – варвары:

«τῶν δὲ φορτίων ἤδη τοῖς ὑποζυγίοις ἐπιτεθέντων, καὶ ἀνάγκη τὴν πορείαν κατὰ τὸν τῆς νυκτὸς καιρὸν ποιεῖσθαι πειρώμενοι, μετεξέτεροι τῶν βαρβάρων παραγενόμενοι ἐπιμεῖναι ἡμᾶς τοῦ καιροῦ χάριν παρακελεύσασθαι τὸν Ἀττίλαν ἔλεγον» (Prisc. Pan. fr. 11, 2).

«Уже мы вьючили скотину и хотели, по необходимости, пуститься в путь ночью, как пришли к нам некоторые скифы с объявлением, что Аттила приказывает нам остановиться по причине ночного времени».

Не совсем ясным остаётся фраза, брошенная Приском относительно скифских обычаев:

«ἐν ἧ γαμεῖν θυγατέρα Ἐσκᾶμ ἐβούλετο (Ἀττίλας ἂν Α. Ц.), πλείστας μὲν ἔχων γαμετάς, ἀγόμενος δὲ καὶ ταύτην κατὰ νόμον τὸν Σκυθικόν» (Prisc. Pan. fr. 11, 2).

«Аттила имел много жен, но хотел жениться и на этой особе, согласно с законом скифским».

Вряд ли возможно, что в условиях сосуществования кочевого образа жизни гуннов и осёдлого местного населения на таком огромном пространстве здесь сложился какой-то общий для всех обряд, связанный с заключением брака. Приск явно имеет в виду гуннский обычай, и здесь под «скифским» следует понимать исключительно гуннский.

Этому отрывку в какой-то степени близко другое сообщение Приска:

«τῆς δὲ ἐν τῇ κόμῃ ἀρχούσης γυναικὸς (μία δὲ αὕτη τῶν Βλήδα γυναικῶν ἐγεγόνει) τροφὰς ἡμῖν διαπεμψαμένης καὶ ἐπὶ συνουσίᾳ γυναικᾶς εὐπρεπεῖς (Σκυθικὴ δὲ αὕτη τιμή), τὰς μὲν γυναικᾶς ἐκ τῶν προκειμένων ἐδοδῖμων φιλοφρονησάμενοι, τῇ πρὸς αὐτὰς ὁμιλίᾳ ἀπαγορεύσαντες ἐγκαταμείναντες δὲ

ταῖς καλύβαις ἅμα ἡμέρα ἐς τὴν τῶν σκευῶν ἐτρέπημεν ἀναζήτησιν» (Prisc. Pan. fr. 11, 2).

«Правившая в селении женщина – она оказалась одной из жён Бледы – послала нам пищу и красивых женщин для соития. Это поскифски знак уважения. Ласково поблагодарив женщин за предложенную еду, мы отказались от сношения с ними. Мы остались в хижинах, а на рассвете отправились на поиски вещей» (пер. Л. А. Гиндина, А. И. Иванчика).

Приводя сведения о гостеприимстве одного из селений, находившихся, как мы можем видеть, под властью знатной женщины, жены Бледы, он сообщает о других «скифских» обычаях. Учитывая, что правившая в селении жена, вероятно, была гуннского происхождения (учитывая, что после смерти Бледы ей оставили в управление некоторые земли), а также приведённый выше фрагмент, где речь шла именно о гуннских обычаях, правдоподобным кажется, что и здесь Приск сообщает нам о нравах, царивших в гуннской среде.

Другим важным свидетельством являются заметки Приска о его пути к ставке Атиллы:

«...καὶ τούτους μὲν ἐπεραιώθημεν τοῖς μονοξύλοις πλοίοις, οἷς οἱ προσοικοῦντες τοὺς ποταμοὺς κέχρηται, τοὺς δὲ λοιποὺς ταῖς σχεδίαις διεπλεύσαμεν, ὡς ἐπὶ τῶν ἀμαξῶν οἱ βάρβαροι διὰ τοὺς λιμνάζοντας φέρουσι τόπους. ἐχορηγοῦντο δὲ ἡμῖν κατὰ κόμας τροφαί, ἀντὶ μὲν σίτου κέγχρος, ἀντὶ δὲ οἴνου ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλούμενος. ἐκομίζοντο δὲ καὶ οἱ ἐπόμενοι ἡμῖν ὑπηρεταὶ κέγχρον καὶ τὸ ἐκ κριθῶν χορηγούμενοι πόμα· κάμον οἱ βάρβαροι καλοῦσιν αὐτό...» (Prisc. Pan. fr. 11, 2).

«...и через них мы были переправлены на однодеревках, которыми пользуются живущие у этих рек. Остальные же [реки] мы переплыли на плотах, которые варвары возят [с собой] на повозках по причине заболоченности [тамошних] мест. В селениях нам доставили пищу, вместо [зерна] пшеницы – просо, а вместо вина – медос, называемый [так] по-гуземному. А также следовавшие за нами слуги получали просо и снабжались напитком из ячменя; «камон» называют его варвары» (пер. Л. А. Гиндина, А. И. Иванчика).

В научной литературе к этому отрывку приковано особое внимание вследствие тех сведений редкой ценности, способных пролить свет на этническую принадлежность части населения Придунавья (особенно учитывая столь частое у Приска объединение разных племен под этнонимом «скифы»). Пристальному изучению подвергались глоссы, приведённые в данном отрывке и пояснённые Приском. В историографии приводились различные их интерпретации, на основании рассмотрения терминов «κάμιν», «σίτος» и «μέδος» относящие местные племена к тюркским, монгольским или славянским. В «Своде», прежде всего на основании более глубокого лингвистического анализа, было высказано мнение о справедливости славянского происхождения термина «μέδος»⁸³. Тем не менее, в литературе по сей день встречаются полярные точки зрения по этому вопросу (О. Н. Трубочёв, как и Л. А. Гиндин, считал версию о славянской этимологии «μέδος» практически общепринятой⁸⁴; С. Р. Тохтасьев, напротив, приводит новые доводы в пользу возможности этимологизации «μέδος» и «κάμιν» на почве и других индоевропейских языков⁸⁵). Анализ иных свидетельств, по большей части, не даёт надежных этимологий и не позволяет высказывать в достаточной мере обоснованные предположения⁸⁶.

Одним из наиболее интересных для рассмотрения «скифского» вопроса фрагментов является пересказ Приском своей беседы со встреченным в ставке Атиллы варваром в скифском одеянии, который немало удивил его знанием греческого языка («..τις, ὃν βάρβαρον ἐκ τῆς Σκυθικῆς ᾠήθην εἶναι στολῆς, Ἑλληνικῆ ἀσπάζεται με φωνῆ, χαίρε προσειπών, ὥστε με θαυμάζειν ὅτι γε δὴ ἐλληνίζει Σκύθης ἀνὴρ...»). А удивился он из-за того, что полагал так:

«ξυγκλυδες γὰρ ὄντες πρὸς τῇ σφετέρᾳ βαρβάρῳ γλώσση ζηλοῦσιν ἢ τὴν Οὐννων ἢ τὴν Γότθων ἢ καὶ τὴν Αὐσονίων, ὅσοις αὐτῶν πρὸς Ῥωμαίους

⁸³ Гиндин Л.А., Иванчик А.И. Комментарий. С. 93.

⁸⁴ Трубочёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М., 2003. С. 315.

⁸⁵ Тохтасьев С. Р. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах / Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2. СПб, 1998. С. 29-30.

⁸⁶ Гиндин Л. А., Иванчик А. И. Комментарий. С. 94.

ἐπιμίξια· καὶ οὐ ῥαδίως τις σφῶν ἐλληνίζει τῇ φωνῇ, πλὴν ὧν ἀπήγαγον αἰχμαλώτων ἀπὸ τῆς Θρακίας καὶ Ἰλλυρίδος παράλου» (Prisc. Pan. fr. 11, 2).

«Ибо [скифы], будучи смешанными, сверх собственного варварского языка ревностно стремятся [овладеть языком] или гуннов, или готов, или даже авзониев, у кого из них сношения с римлянами. Но никто из них не говорит свободно по-гречески, кроме пленников, которых угнали из Фракии и с иллирийского побережья» (пер. Л. А. Гиндина, А. И. Иванчика).

Г. С. Дестунис при рассмотрении этого фрагмента справедливо обнаруживает у Приска противоречия (сборище народов, но имеющее свой язык), говорящие о самом размытом определении термина «скифы» у нашего автора⁸⁷. Комментаторы Приска в издании «Свода» отмечают, что историк в этом месте употребил староаттическую приставку «ξύν» единожды среди многочисленных примеров «συν» (33 раза в этом фрагменте). Это наводит на выражение «ξύγκλυδες ἄνθρωποι» у Фукидида в значении «смешанные люди, сброд», с явным презрительным оттенком⁸⁸. Помимо всего, здесь же мы наталкиваемся на упоминание миксоглоттии среди этого «сброда». Справедливое замечание о том, что Приск под этим подразумевал именно желание различных племён помимо своего знать другие, престижные языки⁸⁹, такие как гуннский, готский или латинский, наталкивает на вывод относительно подобного к ним отношения со стороны Приска: «...καὶ οὐ ῥαδίως τις σφῶν ἐλληνίζει τῇ φωνῇ, πλὴν ὧν ἀπήγαγον αἰχμαλώτων ἀπὸ τῆς Θρακίας καὶ Ἰλλυρίδος παράλου...». Его мог уязвить тот факт, что эти варвары, будучи соседями Римской империи и находясь с ней в весьма плотных контактах, совершенно не стремятся учить греческий и, видимо, используют по необходимости пленников с римских земель в качестве переводчиков. Несмотря на то, что латинский он среди престижных языков в варварской среде упоминает (а это говорит о некотором стремлении к взаимопониманию с римским миром), Приск всё же,

⁸⁷ Дестунис Г. С. Сказания Приска Панийского. Прим. 69. С. 53.

⁸⁸ Гиндин Л. А., Иванчик А. И. Комментарий. С. 94.

⁸⁹ Там же. С. 95.

будучи греком и носителем как античной традиции, так и присущего ей взгляда на варварство как тип человеческой культуры, уступающий античному, глубоко презирает подобное безразличное отношение.

Помимо, собственно, языковой проблемы «скифов» гуннской державы, этот фрагмент представляет также интерес и в плане географических представлений византийцев. Комплексный историко-филологический анализ этого отрывка, предпринятый А. Б. Черняком, показывает, что и термин «Ῥωμαῖοι» не означает у Приска всех жителей Римской империи и имеет различные коннотации⁹⁰, и пассаж о пленных с фракийского побережья может интерпретироваться по-разному⁹¹.

Приск далее ещё раз затрагивает тему языков в «скифской» среде:

«δὴ ἐς τὴν αὐτοῦ ἐπανῆλθεν· τότε δὲ διὰ τὸν τῆς εὐωχίας καιρὸν παρελθὼν τῷ τε εἶδει καὶ τοῖς ἐσθήμασι καὶ τῇ φωνῇ καὶ τοῖς συγκεχυμένως παρ' αὐτοῦ προφερομένοις ῥήμασι (τῇ γὰρ Αὐσονίων τὴν τῶν Οὐννων καὶ τὴν τῶν Γότθων παραμιγνὺς γλῶτταν) πάντα διέχεε καὶ ἐς ἄσβεστον ὀρμῆσαι γέλωτα παρεσκεύασε πλὴν Ἀττήλα» (Prisc. Pan. 13, 3).

«[Зеркон] предстал, и видом своим, одеждою, голосом и смешанно-произносимыми словами, ибо он смешивал язык латинский с гуннским и готским — развеселил присутствующих и у всех их, кроме Атиллы, возбудил неугасимый смех».

На первый взгляд кажется, что здесь возможно усматривать тот язык, о котором шла речь в приведённом до этого отрывке: язык «сброда» вполне соответствует смешанному наречию Зеркона. Однако, если такое наречие действительно существовало, и вбирало в себя латинские, гуннские и готские слова, оно не могло вызвать такую реакцию у публики. Поэтому уверенно можно утверждать, что речь здесь шла о каком-то естественном языке, неизвестном Приску⁹², который он посчитал общим для всех скифских народностей.

⁹⁰ Черняк А. Б. Византийские свидетельства о романском (романизированном) населении Балкан // ВВ, 51 (1990). С. 136-137.

⁹¹ Там же. С. 135-136. Также разбор этого свидетельства см.: Гиндин Л. А., Иванчик А. И. Комментарий. С. 96.

⁹² Nechaeva E. Gli Sciti delle grandi ... P. 27-28.

За отсутствием иных сведений можно только гадать, какой язык наш источник имел в виду. Однако, как уже было упомянуто, в середине V в. в придунайской области, населённой по преимуществу местным земледельческим населением, можно предполагать наличие славянского языкового элемента.

Некоторым итогом этим наблюдениям над текстом Приска может служить то, что во фрагментах историка, которые ныне известны научному сообществу, вся его этническая терминология по большей части бессистемна. Автор, получивший прекрасное риторическое образование и работавший также в рамках судебной системы, оказался в новых условиях и столкнулся миром, населённым разными (кочевыми и осёдлыми) народами, в изображении этого мира больше следовал классицистической модели, уже сложившейся традиции (Геродот и Фукидид), нежели Олимпиодор, уступавший разговорному языку и реалиям в большей степени, чем хорошему стилю⁹³. Приск опирался на то, с чем был прекрасно знаком – на геродотовское описание Скифии и дальнейшее развитие тех же сюжетов в античной литературе, которые уже несколько сотен лет не имели никакого отношения к реальности (по всей видимости, с трудом Евнапия он знаком не был, а степень его знакомства с Аммианом, видимо, была недостаточной).

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, его труд имеет огромное значение не только в силу малочисленности других источников для этой эпохи, но и из-за его принципов историописания, и стремления отразить существующие реалии, хоть и через призму традиции. Его скифы – это в первую очередь следование Геродоту; и разноликие и полиэтничные «скифы» (в широком смысле) под властью гуннов, отождествляемых с «царскими скифами» – тому подтверждение. «Скифы» же у Приска в узком смысле – это и гунны⁹⁴, и местные осёдлые жители придунайских равнин, и другие обособленные племена

⁹³ Thompson E. A. The history of Attila P. 9.

⁹⁴ Ibid. Pp. 10-11.

О его культурной оценке народов гуннской державы не приходится и спорить: рядовым синонимом к его «скифам» являются «варвары», и местами прорывается наружу его скрытое презрение к этим людям, неспособным осознать и оценить явное превосходство греко-римской культуры.

Глава 4. Зосим

4.1. Жизнь и литературная деятельность

В рамках исследований не только варварского вопроса в поздней Античности, но и самых разных сторон жизни позднеримского государства «Новая история» Зосима (рубеж V - VI вв. н. э.) представляет для учёных неподдельный интерес. Об авторе биографических сведений практически не сохранилось: по заметке в «Миробиблионе» Фотия, а также по заголовку в единственной рукописи⁹⁵ мы можем судить, что Зосим был комитом и адвокатом фиска (государственной казны), возможно, долгое время находился в этом чине в Константинополе⁹⁶, что говорит о его высоком социальном статусе. В любом случае, хронологически установить границы его жизни точнее, чем второй половиной V – началом VI вв., сложно, ввиду отсутствия надежных свидетельств (обоснованным кажется мнение о том, что жил он скорее в начале VI, чем в конце V в.⁹⁷). Тем не менее, о дате публикации его труда можно судить более точно. По ссылке на Зосима у Евстафия, умершего ок. 503 г. а также по его заметке в «Новой истории» о существовавшем в прошлом налоге *collatio lustratis*, отмененном Анастасием I в 498 г.⁹⁸, примерную дату окончания его труда связывают с временным промежутком в 498-503 гг.; существуют и другие исчисления⁹⁹. Окончание, а вернее, обрывистый конец «Новой истории», вероятно, связан со смертью Зосима¹⁰⁰ - Фотию его труд известен в том же объеме, что и нам¹⁰¹; к тому же, Зосим явно планировал довести описание истории Римской империи до более позднего времени. Общепринятой точкой зрения считается то, что Зосим, будучи язычником, назвал свой труд «Новой

⁹⁵ PLRE, II. P. 1206; Liebeschuetz W. Pagan historiography ... P. 206.

⁹⁶ Liebeschuetz W. Op. cit. P. 213.

⁹⁷ Ridley R.T. Zosimus the historian // BZ, 65 (1972). P. 280.

⁹⁸ PLRE, II. P. 1206.

⁹⁹ Goffart W. Zosim, the first historian of Rome's fall // AHR, 76 (1971). P. 421; Болгов Н. Н. Зосим – последний античный историк / Зосим. Новая история. Белгород, 2010. С. 5-9.; Жуков К. В. К вопросу об авторстве и времени написания «Новой истории» Зосима // Вестник НовГУ, 47 (2008). С. 19.

¹⁰⁰ Liebeschuetz W. Op. cit. P. 214-215.; Болгов Н. Н. Зосим.... С. 11.; Жуков К. В. К вопросу С. 18.

¹⁰¹ PLRE, II. P. 1206

историей» в противовес господствующей в это время христианской традиции, а не вследствие выпуска новой редакции¹⁰².

Ценность труда Зосима для позднеантичной истории рубежа IV – V вв., несмотря на его недостатки, трудно переоценить. Он содержит, несмотря на свой отчасти компилятивный, отчасти перелагающий характер (о чем будет сказано ниже), уникальные сведения относительно внутренней политики императоров IV в., а также религиозной жизни империи, и постепенной ее христианизации – здесь он, благодаря своему положению, вполне возможно, был более осведомлен, нежели его предшественники, на которых он опирался¹⁰³.

Источники Зосима – предмет особой дискуссии¹⁰⁴. Сам он упоминает Гомера, Геродота, Полибия (чей труд он продолжает), Юлиана, Либания и некоторых других¹⁰⁵. Помимо этого он, по всей видимости, был знаком и с бóльшим кругом античных текстов, включающим Фукидида, Еврипида, Ксенофонта, Демосфена¹⁰⁶. Однако главными его источниками, которым он местами буквально следует, являются Евнапий и Олимпиодор; порой это доходит у него до примечательных противоречий¹⁰⁷. Также им использовался Созомен¹⁰⁸.

Вопрос об использовании им Аммиана Марцеллина, а также некоторых других историков эпохи домината (к примеру, Азиния Квадрата, одного из основных источников для автора SHA) по сути, является составной частью более широкой проблематики взаимоотношений нескольких источников – Аммиана и Евнапия между собой, и их использования Зосимом. По этому вопросу существует отдельная литература, и различные точки зрения¹⁰⁹.

¹⁰² Baldwin B. Zosimos // ODB, III. P. 2231.; Болгов Н. Н. Зосим... С. 9.

¹⁰³ Liebeschuetz W. Op. cit. P. 213-214.

¹⁰⁴ Историографический обзор данной проблемы см.: Болгов Н. Н. Зосим... С. 17-30.

¹⁰⁵ Ridley R.T. Zosimus ... P. 280-281.

¹⁰⁶ Болгов Н. Н. Зосим... С. 17.

¹⁰⁷ Там же. С. 28-29; Liebeschuetz W. Op. cit. P. 206-207.; Baldwin B. Zosimos. P. 2231.

¹⁰⁸ Болгов Н. Н. Зосим... С. 29.

¹⁰⁹ Обзор историографии вопроса см: Paschoud F. Zosimos 8 // RE, XIX (1972). P. 804-825; Болгов Н.Н. Зосим... С. 21-27.

Φοτίη отмечает компилятивность его труда и зависимость от Евнапия:

«Εἶποι δ' ἄν τις οὐ γράψαι αὐτὸν ἱστορίαν, ἀλλὰ μεταγράψαι τὴν Εὐναπίου, τῷ συντόμῳ μόνον διαφέρουσαν, καὶ ὅτι οὐχ, ὡσπερ ἐκεῖνος, οὕτω καὶ οὗτος Στελίχωνα διασύρει. τὰ δ' ἄλλα κατὰ τὴν ἱστορίαν σχεδόν τι ὁ αὐτὸς καὶ μάλιστα ἐν ταῖς τῶν εὐσεβῶν βασιλέων διαβολαῖς. δοκεῖ δέ μοι καὶ οὗτος δύο ἐκδόσεις, ὡσπερ καὶ ἐκεῖνος, πεποιηκέναι· ἀλλὰ τούτου μὲν τὴν προτέραν οὐκ εἶδον· ἐξ ὧν δέ ἦν ἀνέγνωμεν ἐπέγραψε Νέας ἐκδόσεως συμβαλεῖν ἦν καὶ ἑτέραν αὐτῷ, ὡσπερ καὶ τῷ Εὐναπίῳ, ἐκδεδόςθαι. σαφῆς δὲ μᾶλλον οὗτος καὶ συντομώτερος, ὡσπερ ἔφημεν, Εὐναπίου· καὶ ταῖς τροπαῖς, εἰ μὴ σπάνιον, οὐ κεχρημένος» (Phot. bibl. cod. 98)

«Можно сказать, что сам он не писал историю, но переписывал Евнапия, от которого она отличается только краткостью и тем, что не так, как первый, поносит Стилихона. Что касается остального, почти та же, в особенности же в клевете на благочестивых императоров. Мне кажется, что как и Евнапием, Зосимом было выпущено два издания; но первого я не видел; из того, что на том издании, которое я прочитал, написано «новое издание», можно заключить, что этот, подобно Евнапию, выпустил другое. Зосим ясен и более краток, как я уже говорил, чем Евнапий; и оборотами, за редким исключением, не пользовался» (перевод мой – А. Ц.)

Эти два издания, по всей видимости, существовали вместе – иначе сложно представить условия для сравнения их друг с другом. Возможно, одно из них дополняло другое.

Говоря о ценности труда Зосима для исследования взаимоотношений Империи с варварским миром, стоит заметить, что несмотря на общую высокую ценность его труда, Зосим по большей части выступает не как самостоятельный исследователь, а как компилятор и пересказчик. Язык его достаточно прост, не изобилует метафорами и яркими образами¹¹⁰. В историографии преобладает скорее негативная оценка его способностям историка. Несмотря на заявленное во вступлении стремление в описании причин падения

¹¹⁰ Болгов Н. Н. Зосим... С. 35-36.

Римской империи следовать Полибию, Зосим довольно часто отходит от поставленных целей и задач: у него наблюдается достаточное количество фактических ошибок; по всей видимости, он пренебрегал архивными источниками в угоду письменным трудам предшественников¹¹¹.

4.2. Зосим о скифах

Относительно его сведений о «скифах» можно сказать, что Зосим, вероятно, в силу бóльшей сохранности его труда и компилятивного характера сочинения, в отличие от предшественников, приводит гораздо больше различных сведений. При описании событий III в. он регулярно сообщает о скифских набегах и нападениях на римские территории. Выбрав удачное время, «скифы» переправлялись через Танаис и грабили Фракию ещё при Филиппе Арабе (244-249 гг.) («Τῶν δὲ πραγμάτων διὰ τὴν Φιλίππου περὶ πάντα ἐκμέλειαν ταραχῆς πληρωθέντων, Σκύθαι τὸν Τάναϊν διαβάντες ἐλήζοντο τὰ περὶ τὴν Θράκην χωρία») (Zosim. I 23, 1). Здесь не совсем ясно, что Зосим имел в виду под термином «Танаис». В античной историографии Танаисом назывался Дон, и с римской Фракией он не граничит. Возможно, под этим гидронимом он здесь частично подразумевал бассейн Азовского и Чёрного морей, так как из дальнейшего повествования видно, что под именем «скифов» здесь скрываются причерноморские племена – участники нападений на римские провинции 230 – 260-х гг.

Слабость центральной власти ощущалась и при императоре Галле, при котором эти набеги не прекращались:

«Ἐκμελῶς δὲ τοῦ Γάλλου τὴν ἀρχὴν μεταχειριζομένου, Σκύθαι πρῶτον μὲν τὰ πλησιόχωρα σφίσι συνετάραττον ἔθνη, προϊόντες δὲ ὁδῶ καὶ τὰ μέχρι θαλάττης αὐτῆς ἐλήζοντο, ὥστε μηδὲ ἓν ἔθνος Ῥωμαίοις ὑπήκοον ἀπόρθητον ὑπὸ τούτων καταλειφθῆναι, πᾶσαν δὲ ὡς εἰπεῖν ἀτείχιστον πόλιν καὶ τῶν ὠχυρωμένων τείχεσι τὰς πλείους ἀλῶναι» (Zosim. I 26)

¹¹¹ Goffart W. Zosim ... P. 419; Козлов А. С. Социальные симпатии и антипатии Зосима // АДСВ, вып. 15 (1978) С. 24-25.

«Однако Галл был так слаб во время своего правления, что скифы впервые повергли в хаос все пограничные с ними провинции, а затем совершенно разорили всё вплоть до берега. Не было ни одной провинции в Римской империи, которая была бы оставлена неразорённой, и варвары брали все ближайшие неукрепленные города и даже некоторые из тех, которые считались хорошо укрепленными».

Зосим констатирует полную разобщённость римских провинций ввиду отсутствия сильной власти, неспособной сдерживать варварские вторжения:

«Ἐν τούτοις δὲ τῶν πραγμάτων ὄντων, καὶ τῶν κρατούντων οὐδαμῶς οἷων τε ὄντων ἀμῦναι τῷ πολιτεύματι, πάντα δὲ τὰ τῆς Ῥώμης ἔξω περιόρωντων, αὖθις Γότθοι καὶ Βορανοὶ καὶ Οὐρουγοῦνδοι καὶ Κάρποι τὰς κατὰ τὴν Εὐρώπην ἐλήζοντο πόλεις, εἴ τι περιλελειμμένον ἦν οἰκειούμενοι» (Zosim. I 27, 1).

«С того времени у власти находились люди, совершенно неспособные защитить государство, и их интересы были ограничены лишь городом Римом. Готы, бораны, уругунды и карпы немедленно разграбили города Европы, захватив всё ценное, что в них еще оставалось».

Сообщая о подобных набегах варваров на балканские провинции, Зосим не только упоминает различные племена, но и сообщает сведения касательно их собственных территорий:

«Βορανοὶ δὲ καὶ Γότθοι καὶ Κάρποι καὶ Οὐρουγοῦνδοι – γένη δὲ ταῦτα περὶ τὸν Ἰστρὸν οἰκοῦντα – μέρος οὐδὲν τῆς Ἰταλίας ἢ τῆς Ἰλλυρίδος καταλιπόντες ἀδήωτον διετέλουν, οὐδενὸς ἀνθισταμένου πάντα ἐπινεμόμενοι» (Zosim. I 31, 1).

«В то же самое время бораны, готы, карпы и уругунды, которые жили на Дунае, не только не оставили ни одной части Италии или Иллирика неразграбленной, но и непрерывно продолжали опустошать их без всякого сопротивления».

Зосим сообщает также и о том, как «скифскому» племени боранов удалось преодолеть трудности морских нападений:

«Βορανοὶ δὲ καὶ τῆς εἰς τὴν Ἀσίαν διαβάσεως ἐπειρῶντο, καὶ ῥῶν γε κατεπράξαντο ταύτην διὰ τῶν οἰκούντων τὸν Βόσπορον, δέει μᾶλλον ἢ γνώμη πλοῖά τε δεδωκότων καὶ ἠγησαμένων τῆς διαβάσεως» (Zosim. I 31, 1).

«Бораны даже попытались переправиться в Азию и легко устроили это с помощью боспорян, которые скорее из страха, чем из расположения дали им свои корабли и показали путь при переправе».

Интересным представляется один из фрагментов Зосима, где он, закончив с описанием поражения Валериана в войне с персами в 260 г., возвращается к событиям на Западе:

«Ὅντων δὲ τῶν ἀμφὶ τὴν ἑώραν ἐν τούτοις, πάντα μὲν ἦν ἀναρχά τε καὶ ἀβοήθητα, Σκύθαι δὲ ὁμογνωμονήσαντες καὶ ἐκ παντὸς ἔθνους τε καὶ γένους εἰς ἓν συνελθόντες τὴν τε Ἰλλυρίδα μοῖρα τινὶ σφῶν ἐλήζοντο καὶ τὰς ἐν ταύτῃ πόλεις ἐπόρθουν, μοῖρα δὲ ἄλλη τὴν Ἰταλίαν καταλαβόντες καὶ ἄχρι τῆς Ῥώμης ἐπήεσαν» (Zosim. I 37, 1).

«Таково было положение дел на Востоке – все находилось в беспомощности и хаосе. Тем временем скифы, объединившись, слились из разных племен и народов в одно тело. Затем одна часть из их сил опустошила Иллирик и разграбила все тамошние города, а другая вторглась в Италию и дошла до самого Рима».

Здесь Зосим, по всей видимости, указывает на возникновение нового союза племён, возникшего с целью набегов на римские земли. Это подтверждают и другие его сообщения, касающиеся нападения «выжившей части скифов вместе с герулами, певками и готами» («Κατὰ τοῦτον δὴ τὸν χρόνον Σκυθῶν οἱ περιλειφθέντες, ἐκ τῶν προλαβουσῶν ἐπαρθέντες φόδων, Ἐρούλους καὶ Πεύκας καὶ Γότθους παραλαβόντες...») на понтийский город Томы, а затем по суше – на Маркианополь (Zosim. I 42, 1).

Таким образом, здесь можно наблюдать некоторую этнографическую «сбивчивость» сведений Зосима. Одним из источников для написания этого раздела ему послужил Дексипп, и некоторая неопределённость его терминологии оставила свой след. Этноним «скиф» у Зосима уже только в описании событий III в. имеет

не одно значение: с одной стороны, он выступает как общее название любых племён, нападавших на римские территории с северных рубежей – из-за Чёрного моря и Дуная (например, определение племени бастарнов как «скифского» - «...Βαστάρνας δέ, Σκυθικὸν ἔθνος...» (Zosim. I 71, 1)); с другой стороны, сообщая о нападении на Иллирик, Зосим подразумевает под термином «скифы» скорее некий союз нескольких племён, сложившийся с определённой целью (в данном случае – для набегов на римские земли), и действующий параллельно другими варварским народам.

Также интересный для рассмотрения период у Зосима – 2-я половина IV в., в которой он, как известно, в основном следовал Евнапию.

Сообщая о восстании Прокопия, Зосим приводит такие сведения:

«Ἦδη δὲ τῶν ἐπιφανῶν τινὰς ἔστειλλε πρὸς τὸν ἔχοντα τὴν τῶν ὑπὲρ τὸν Ἰστρον Σκυθῶν ἐπικράτειαν· ὁ δ' μυρίους ἀκμάζοντας ἔπεμπε συμμάχους αὐτῶ· καὶ ἄλλα δὲ βάρβαρα ἔθνη συνήει μεθέξοντα τῆς ἐγχειρήσεως· λαβὼν δὲ εἰς ἔννοιαν ὡς οὐ πρὸς ἀμφω δὴ οἱ τοὺς βασιλέας ἀγωνιστέον, ἄμεινον ἔκρινεν εἶναι τῷ πλησιάζοντι διαμάχεσθαι τέως, εἶτα σκέψασθαι τὸ πρακτέον» (Zosim. IV 7, 2).

«Теперь и вождь скифов, живших выше Данубия, на которого повлияли некоторые присланные к нему знатные мужи, послал Прокопия 10 тысяч воинов. Это был не единственный варварский народ, который поддержал Прокопия в его устремлениях. Однако, решившись на действия, он ещё не был готов вступить в бой с обоими императорами одновременно. Прокопий предпочёл сразиться с ближайшим, а затем обдумать свои последующие действия».

Очевидно, что под скифами Зосим подразумевает готов, посланных на помощь Прокопию войска, которые были Валентом окружены и взяты в плен (Eunap. hist. fr. 37). Однако это географическое уточнение Зосима вряд ли стоит здесь просто так. Если понимать связку «...[βασιλέως] τῶν ὑπὲρ τὸν Ἰστρον Σκυθῶν

ἐπικράτειαν...» в первом предложении как *genitivus partitivus*, то в таком случае можно перевести отрывок как «царь тех из скифов, что занимают область над Истром». В таком случае сведения Зосима можно интерпретировать как сообщение о какой-то части «скифов», обитавшей за Дунаем, и понимать здесь термин «скифы» не как синоним лишь готов (как это у Евнапия), но в собирательном плане, что более характерно для «Новой истории» Зосима. Далее он кратко пересказывает ход Скифской войны (Zosim. IV 10, 2 – 11, 4), в ходе которой было заключено перемирие.

В описании гуннов Зосим несколько отходит от текста Евнапия (по крайней мере, известных нам пассажей):

«Τούτων δὲ ὄντων ἐν τούτοις, φύλον τι βάρβαρον τοῖς ὑπὲρ τὸν Ἰστρον Σκυθικοῖς ἔθνεσιν ἐπανάστη, πρότερον μὲν οὐκ ἐγνωσμένον, τότε δὲ ἐξαίφνης ἀναφανέν· Οὐννοὺς δὲ τούτους ἐκάλουν, εἴτε βασιλείους αὐτοὺς ὀνομάζειν προσήκει Σκύθας, εἴτε οὐς Ἡρόδοτος φησι παροικεῖν τὸν Ἰστρον σιμοὺς καὶ ἀσθενέας ἀνθρώπους, εἴτε ἐκ τῆς Ἀσίας εἰς τὴν Εὐρώπην διέβησαν· καὶ τοῦτο γὰρ εὖρον ἱστορημένον, ὡς ἐκ τῆς ὑπὸ τοῦ Τανάϊδος καταφερομένης ἰλύος ὁ Κιμμέριος ἀπογαιωθεὶς Βόσπορος ἐνέδωκεν αὐτοῖς ἐκ τῆς Ἀσίας ἐπὶ τὴν Εὐρώπην πεζῇ διαβῆναι. Παρελθόντες δὲ ὅμως τοῖς ἵπποις καὶ γυναῖξι καὶ παισὶ καὶ οἷς ἐπέφεροντο, τοῖς ὑπὲρ τὸν Ἰστρον κατακνημένοις ἐπήεσαν Σκύθαις, μάχην μὲν σταδίαν οὔτε δυνάμενοι τὸ παράπαν οὔτε εἰδότες ἐπαγαγεῖν (πῶς γὰρ οἱ μηδὲ εἰς γῆν πῆξαι τοὺς πόδας οἰοί τε ὄντες ἐδραίως, ἀλλ' ἐπὶ τῶν ἵππων καὶ διαιτώμενοι καὶ καθεύδοντες), περιελάσεσι δὲ καὶ ἐκδρομαῖς καὶ εὐκαίροις ἀναχωρήσεσιν, ἐκ τῶν ἵππων κατατοξεύοντες, ἄπειρον τῶν Σκυθῶν εἰργάσαντο φόνον. Τοῦτο συνεχῶς ποιῶντες εἰς τοῦτο τὸ Σκυθικὸν περιέστησαν τύχης ὥστε τοὺς περιλελειμμένους, ὧν εἶχον ἐκστάντας οἰκήσεων, ἐνδοῦναι μὲν τοῖς Οὐννοῖς ταύτας οἰκεῖν, αὐτοὶ δὲ φεύγοντες ἐπὶ τὴν ἀντιπέρας ὄχθην διαβῆναι τοῦ Ἰστροῦ, καὶ τὰς χεῖρας ἀνατείναντες ἵκετεύειν δεχθῆναι παρὰ βασιλέως, ὑπισχνεῖσθαί τε πληρώσειν ἔργον αὐτῷ συμμάχων πιστῶν καὶ βεβαίων» (Zosim. IV 20, 3-5).

«Тем временем, племя варваров, до того неизвестное, внезапно появилось и атаковало скифов, перешедших из-за этого через Данубий. Они были названы гуннами (также можно их называть царскими скифами, или людьми со вздёрнутыми носами). Этот народ, как говорит Геродот, жил около Данубия, или, возможно, перебрався

из Азии в Европу. Я обнаружил записи о том, что Боспор Киммерийский был превращён в сушу посредством ила, принесённого из Танаиса, таким образом, предоставив им путь из Азии в Европу. И, придя со своими лошадьми, жёнами, детьми и повозками, гунны напали на скифов, которые жили за Данубием. Они были абсолютно несведущими в том, как правильно сражаться пешими, да и как могло быть иначе, если они даже не были в состоянии твёрдо стоять на ногах, так как жили и спали на спинах лошадей? Но, заходя флангом в атаку, отступая в нужный момент и стреляя из луков со своих лошадей, они развязали чудовищную резню скифов. Делая это непрерывно, они довели скифов до такого отчаянного состояния, что уцелевшие из них покинули свои дома, оставив их гуннам и, переправившись через Данубий, умоляли императора принять их, обещая выполнять обязанности верных и преданных союзников».

Здесь мы можем отследить сразу несколько интересных моментов. Во-первых, в начале этого небольшого экскурса о гуннах Зосим прямо противопоставляет их всем скифским народам за Дунаем («...φύλον τι βάρβαρον τοῖς ὑπὲρ τὸν Ἰστρον Σκυθικοῖς ἔθνεσιν ἐπανέστη...»), что отсылает к труду Евнапия. Затем Зосим это племя гуннов отождествляет с царскими скифами Геродота («Οὔνους δὲ τούτους ἐκάλουν, εἴτε βασιλείους αὐτοὺς ὀνομάζειν προσήκει Σκύθας...»), чего у Евнапия ни в каких сохранившихся отрывках мы не встречаем. Возможно, это сравнение было в недошедших отрывках¹¹². Но более вероятным кажется предположение, что Зосим, столкнувшись здесь с некоторым противоречием (у Евнапия, которому он следовал, этого отождествления нет), ощутил необходимость упорядочить свидетельства своих источников, отождествив новое кочевое племя, появившееся в Причерноморье неизвестно откуда и согнавшее местные племена с привычных мест, с царскими скифами (наиболее восточными у Геродота). Возможно, что здесь сказалось знакомство

¹¹² Nechaeva E. Gli Sciti delle grandi ... P. 20.

Зосима с историческим трудом Приска, который первым отождествил гуннов с царскими скифами.

Гунны у Зосима описаны весьма подробно, и здесь мы можем с уверенностью утверждать, что он опирался на свидетельство Евнапия¹¹³.

Переходя к описанию правления Феодосия, Зосим сообщает о приготовлениях его к войне со скифами, перешедшими Дунай под натиском гуннов:

«...πλήθους δέ πολλοῦ τῶν ὑπὲρ τὸν Ἰστρον Σκυθῶν, Γότθων λέγω καὶ Ταΐφῶν καὶ ὅσα τούτοις ἦν ὁμοδίαιτα πρότερον ἔθνη, περαιωθέντων καὶ ταῖς ὑπὸ τὴν Ῥωμαίων ἀρχὴν οὐσαις πόλεσιν ἐνοχλεῖν ἀναγκαζομένων διὰ τὸ πλῆθος Οὐννων τὰ παρ' αὐτῶν οἰκούμενα κατασχεῖν, ὁ μὲν βασιλεὺς Θεοδόσιος ἐς πόλεμον πανστρατιᾶ παρεσκευάζετο...» (Zosim. IV 25, 1).

«Так как многие скифы, жившие по ту сторону Данубия (я имею в виду готов, тайфалов и те народы, которые до этого жили среди них), под натиском полчищ гуннов, захватывавших их дома, переправились через реку и вторглись в города на территории Римской империи, император Феодосий начал подготовку к крупномасштабной войне».

В этом отрывке Зосим перечисляет в числе скифов, обитавших за Истром, различные племена: готы, тайфалы и другие племена, ранее там проживавшие. Здесь он, очевидно, употребляет термин в собирательном значении – Феодосий собирался воевать не со всеми скифами, а лишь с той их частью, которая, ранее проживая на том берегу реки, перешла Дунай и разоряла Фракию, и состояла при этом из разных племён. В дальнейшем тексте Зосима мы находим этому подтверждение:

«...ὑπὸ δὲ τοὺς αὐτοὺς χρόνους ἔθνος τι Σκυθικὸν ὑπὲρ τὸν Ἰστρον ἐφάνη πᾶσιν ἄγνωστον τοῖς ἐκεῖσε νομάσιν· ἐκάλουν δὲ Γροθίγγους αὐτοὺς οἱ ταῦτη βάρβαροι· πλῆθος τοίνυν ὄντες καὶ ὠπλισμένοι κατὰ τὸ δέον, καὶ προσέτι γε ῥώμη διαφέροντες, ῥᾶστα διαδραμόντες τοὺς ἐν μέσῳ βαρβάρους παρ' αὐτὴν ἐληλύθασι τοῦ Ἰστροῦ τὴν ὄχθην, καὶ τὴν διάβασιν αὐτοῖς ἤτουν ἐπιτραπῆναι τοῦ ποταμοῦ...» (Zosim. IV 38, 1).

¹¹³ Banchich T.M. An identification in the Suda: Eunapius on the Huns // CPh, 83 (1988). P. 53. Интересно сравнить похожее свидетельство о гуннах современника, Аммиана Марцеллина (XXXI 2, 6).

«Примерно в то же время за Данубием появились скифы, неизвестные народам, населявшим ту территорию; варвары называли их гротфингами. Будучи очень многочисленными, хорошо вооружёнными и известными своей силой, они легко победили варваров, стоявших между ними и Данубием, и вышли к самому берегу реки, где попросили разрешения пересечь её».

В этом фрагменте Зосим, получив из источника информацию о появлении на дунайской границе новых племён, ранее не известных¹¹⁴, прямо отождествляет их со скифскими племенами, но ранее неизвестными. Даже если этот фрагмент не более, чем описка, характерно, что историк, стараясь следовать своему основному источнику (Евнапию), стремится одновременно и к выработке единого взгляда на племена, обитающие за северо-восточными рубежами. В продолжение этого сюжета Зосим сообщает нам о том, что к этим «гротфингам» были отправлены послы, «понимавшие язык скифов» («...συγκαλέσας τῶν αἰσθανομένων τῆς ἐκείνων διαλέκτου τινάς...») (Zosim. IV 38, 2). Казалось бы, несмотря на описанную у Зосима разнородность, у римлян были люди, способные понимать язык ранее неизвестных племён. Понятно, что речь здесь идёт о готском языке, и под «скифами за Истром» («...τῶν ὑπὲρ τὸν Ἰστρον Σκυθῶν...») у Зосима, по всей видимости, понимается готская общность на Дунае, раздробленная нашествием гуннов и превратившаяся (в повествовании Зосима) в разнородные племена и народы, разбредшиеся по задунайским землям.

Подводя итог вышеизложенным наблюдениям, необходимо сказать, что понятие «скиф» у Зосима многозначно, и во многом из-за компилятивного характера его работы и местами буквального следования нескольким источникам, имеет несколько коннотаций:

¹¹⁴ Н.Н. Болгов отмечает, что в этом месте Зосим скорее всего ошибся, и продублировал более ранний фрагмент своего произведения (IV 35, 1), относящийся к вторжению остготов под предводительством Ододея в 386 г. См.: Зосим. Новая история. Прим. 1, С. 187.

- при описании событий III в. у Зосимы можно выделить понятие «скифы» как в значении культурно-собирательном (то есть это общее, «территориальное» определение для всех племён причерноморского региона), так и в значении более узком (как некоторой общности племён или даже отрядов, объединившихся в союзы ради грабительских набегов). Во многом сложность более конкретного определения обуславливается размытостью наших сведений об отдельных этнических объединениях в Северном Причерноморье, их чётком определении.

- в описании более поздних событий IV в., когда в отношениях с Римской империей всё большую роль играют готские племена, то Зосим, следуя здесь Евнапию, частично отождествляет «скифские племена за Дунаем» с готскими племенами. Но Зосим также стремится и к построению более стройной картины этнических передвижений в придунайском и причерноморском регионах, о чём говорят его попытки определения этнической принадлежности племён, впервые появившихся на европейской арене, например, гуннов¹¹⁵ (или же ранее известных, но неузнанных историком – к примеру, гротфингов-гревтунов).

Если говорить о нравственно-этическом облике скифов, то здесь Зосим следовал и Евнапию, и античной традиции в целом: «Новая история», по меткому выражению А. С. Козлова, «пестрит нелестными для скифов характеристиками» - злобой, нахальством, необузданностью, беспорядочностью, безумием, и т.п.¹¹⁶. Зосим следует этнографической традиции описания варваров (например, употребление геродотовских этнонимов), его не так сильно занимает конкретный этнический состав вторгавшихся варваров (разобранные выше примеры, по преимуществу, представляют из себя следование какому-либо источнику); по большей части, на первом плане у него – оценка поведения варваров с этической, культурной точки зрения,

¹¹⁵ Nechaeva E. Gli Sciti delle grandi P. 20.

¹¹⁶ Козлов А. С. Некоторые аспекты «проблемы варваров» в «Новой истории» Зосима // АДСВ, вып. 14 (1977). С. 52.

принадлежности к эллинской цивилизации¹¹⁷; мир за Дунаем¹¹⁸ попадает в поле его зрения прежде всего как варварское, противостоящее Империи начало, но постепенно заполняющее ее. И причиной многочисленных поражений римлян и успехов варварских племен, будь то готы Гайны или Алариха, или же скифские племена, не только в отступлении от религии предков, но и в неразумности римских императоров, различных высоких чинов¹¹⁹.

¹¹⁷ Там же, С. 56-57.

¹¹⁸ Там же, С. 53.

¹¹⁹ Там же, С. 55.

Заключение

Подводя итоги, необходимо сказать, что проблема скифов в позднеантичной литературе далеко не так проста, как кажется на первый взгляд. Происходившие в Центральной и Восточной Европе этнополитические изменения, с невероятной быстротой меняли политический баланс в отношениях Империи с Барбарикумом. В этих условиях современники, пытаясь осмыслить то, что происходит или недавно произошло, ориентировались в оценке ситуации через призму своей письменной традиции, и мыслили эти изменения теми же категориями, какими Геродот в V в. до н.э. описывал Скифию и её население. Естественно, что в таких условиях неизбежные противоречия лишь затемняли и усложняли понимание новых и новых изменений в северопричерноморском и придунайском регионах, т. н. «Скифии». Поэтому с ходом времени содержание традиционных терминов, встраиваемых в новый контекст, лишь усложнялось, а то и вовсе путалось. Один из таких терминов – это «скифы» в литературе позднегреческих историков. У Дексиппа термин «скиф» близок по значению к геродотовскому его употреблению – это и все племена описываемого региона, и каждое из них в частности. Следовавший ему Евнапий уже под скифами понимает, видимо, только готов, и пришедшие с Востока кочевые племена гуннов явно с ними не связывает, описывая их противостояние друг с другом. Сквозь тексты обоих проглядывает явная ненависть к этим народам, принёсшим Римской империи сплошные бедствия. Однако даже в чём-то пристрастный Евнапий находит в некоторых «скифах» пример для подражания римской бюрократии, толкающей своё отечество в пропасть.

Случай с Приском в некоторой степени особый, так как здесь мы имеем редкий случай свидетельств очевидца и участника описываемых событий. Тем не менее, несмотря на самые разные и интересные сведения о многочисленных народностях и этнических группах, обитавших за Дунаем под властью гуннского царя, он всех их

видит частями некоего «скифского единства» из геродотовской реальности, давно уже исчезнувшей. Определение «скифов» у него так же неоднозначно, и помимо прочего, возможно, завязано ещё и на идее «Скифии», подвластной одному вождю¹²⁰. Несмотря на его строгую объективность при повествовании, порой его презрение к культурным запросам обитателей Задунавья видно невооружённым взглядом.

Зосим здесь, как кажется, явно проигрывает оригинальности предшественников из-за компилятивности его сочинения, основанного на данных и Дексиппа, и Евнапия. Тем не менее, его сочинение служит примером кропотливой работы с источниками, и примирением порой противоречивых их свидетельств. Во многом благодаря этому его понимание этого термина сложнее. Это «скифы» и в собирательном (и как общность разных народов – обитателей Причерноморья, и как обособленные объединения, не основанные на этническом единстве), и в более узком, этническом. В изображении Зосима их возрастающая роль в Римской империи в противоположность тому, кто они такие и сколько бедствий они ей причинили, ясно сообщает нам отношение к ним автора.

Таким образом, «скифы» у позднеантичных авторов – это не только следование традиции, и не только фиксация происходящего в Причерноморье и на Дунае – это гораздо более сложная картина, полная античных аллюзий и смешений старого и нового, порой даже в противоположном.

¹²⁰ Нечаева Е. Н. Понятие «скифы»...

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века

ВВ – Византийский временник

AHR – American Historical Review

CP – Classical Philology

CQ – Classical Quarterly

CR – Classical Review

GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies

JRS – Journal of Roman Studies

ODB – Oxford Dictionary of Byzantium

RE - Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft

RhM – Rheinisches Museum für Philologie

Список использованной литературы

Источники:

1. Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менаандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец. / Пер. Г. С. Дестуниса. СПб, 1860;
2. Евагрий Схоластик. Церковная история в 6 кн. / пер., вступ. ст., комм. и прилож. И. В. Кривушина. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 672 с.
3. Сказания Приска Панийского / пер. Г. С. Дестуниса. Учёные записки Имп. Ак. Наук, VII, 1861.
4. Зосим. Новая история / пер., комм., указ. Н. Н. Болгова / Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. 344 с.
5. *Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt* / ed. W. Seyfarth. Vol. I – II. Leipzig, 1978.
6. *Fragmentary Classicizing Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus* / ed. R.C. Blockley. Vol. I-II. Liverpool, 1981.
7. *Historici graeci minores* / ed. L. Dindorf. Vol. I-II. Leipzig, 1870.
8. *Suidae Lexicon* / ed. I. Bekker. Berlin, 1854.
9. *Zosimi Historia Nova* / ed. L. Mendelssohn. Leipzig, 1887.

Исследования:

10. Болгов Н. Н. Зосим – последний античный историк / Зосим. Новая история. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. С. 4-46.
11. Буданова В.П., Ермолова И. Е., Горский А. А. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. 336 с.
12. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.: Алетейя, 1999. 320 с.
13. Буданова В. П. Древние авторы о размещении готов на Балканах накануне их переселения на территорию Империи // Византийский временник. 1986. № 46. С. 52-58.

14. Вольфрам Х. Готы: от истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии). СПб.: Ювента, 2003. 656 с.
15. Гиндин Л. А., Иванчик А. И. Комментарий / Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М.: Восточная литература, 1994. С. 86-96.
16. Гиндин Л. А., Иванчик А. И. Приск / Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М.: Восточная литература, 1994. С. 81-83.
17. Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М.: Наука, 1986. С. 71-134.
18. Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.: Палеограф, 2005. 315 с.
19. Козлов А. С. "Византийская история" Приска Панийского как памятник классического исторического нарратива // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 15, 2015. С. 152-166.
20. Козлов А. С. Некоторые аспекты «проблемы варваров» в «Новой истории» Зосима // Античная древность и средние века. 1977. № 14. С. 52-59.
21. Козлов А. С. Социальные симпатии и антипатии Зосима // Античная древность и средние века, 1978. № 15. С. 23-42.
22. Козулин В. Н. Образ скифов в античной литературной традиции. Барнаул: Изд-во БГУ, 2015. 168 с.
23. Курбатов Г. Л. Восстание Прокопия (365-366 гг.) // Византийский временник. 1958. № 14. С. 3-26.
24. Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей. М.: Едиториал УРСС, 2002. 156 с.
25. Нечаева Е. Н. Понятие "скифы" в приложении к варварам во времена поздней империи // Жебелёвские чтения – II. Тезисы докладов научной конференции, проводившейся 26-27 октября 1999 года на историческом факультете СПбГУ. СПб., 1999.

- 26.Ременников А.М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке М., 1957. 149 с.
- 27.Семеновкер Б. А. Энциклопедии Константина Багрянородного: библиографический аппарат и проблемы атрибуции // Византийский временник. 1984. № 45. С. 242-246.
- 28.Смирнова О.В. Евнапий и Зосим в *Excerpta de sententiis* и *Excerpta de legationibus* Константина Багрянородного // Византийский временник. 2005. № 64. С. 61-76.
- 29.Тахтаджян С. А. Скифы Эфора: источники идеализации (дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н.). СПб, 2001. 333 с.
- 30.Томпсон Э. А. Римляне и варвары: падение Западной Римской империи. СПб.: Ювента, 2003. 288 с.
- 31.Тохтасьев С. Р. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах / Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Славянские языки (под ред. А. В. Десницкой, Н. И. Толстого). СПб.: Наука, 1998. С. 29-57.
- 32.Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М.: Наука, 2003. 489 с.
- 33.Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV – VII вв.). М.: Наука, 1974. 351 с.
- 34.Хауссиг Г. В. К вопросу о происхождении гуннов // Византийский временник. 1977. № 38. С. 59-71.
- 35.Черняк А. Б. Византийские свидетельства о романском (романизированном) населении Балкан // Византийский временник. 1990. № 51. С. 132-141.
- 36.Baker A. Eunapius' Νέα Ἐκδοσις and Photius // GRBS. 1988. Vol. 24. Pp. 389-402.
- 37.Baldwin B. The language and style of Eunapius // Byzantinoslavica, 1990. № 51. Pp. 1-19.
- 38.Baldwin B. Eunapios of Sardes // Oxford Dictionary of Byzantium. 1991. Vol. 2. P. 746.
- 39.Baldwin B. Priscus // Byzantium. 1980. Vol. 50, № 1. P. 18-61.

40. Banchich T. M. An identification in the Suda: Eunapius on the Huns // *Classical Philology*. 1988. Vol. 83. P. 53.
41. Banchich T. M. Eunapius, Eustathius, and the Suda // *American Journal of Philology*. 1988. Vol. 109. Pp. 223-225.
42. Blockley R. C. Dexippus of Athens and Eunapius of Sardis // *Latomus*. 1971. T. 30, Fasc. 3. P. 710-715.
43. Blockley R. C. Dexippus and Priscus and the Thucydidean account of the siege of Plataea // *Phoenix*. 1972. Vol. 26. Pp. 18-27.
44. Blockley R. C. Priscus of Panium / The fragmentary classicising historians of the Late Roman Empire. Vol. I. 1981. Pp. 48-70.
45. Brunt P. A. On historical fragments and epitomes // *Classical Quarterly*. 1980. Vol. 30. Pp. 477-494.
46. Buck D. F. Eunapius, Eutropius and the Suda // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1992. Vol. 135. Pp. 365–369.
47. Busse A. Der Historiker und der Philosoph Dexippus // *Hermes*. 1888. Bd. 23. Pp. 402-409.
48. Cameron A. A new fragment of Eunapius // *Classical Review*. 1967. Vol 17. Pp. 10-11.
49. Chalmers W. R. The NEA 'ΕΚΔΟΣΙΣ of Eunapius' Histories // *Classical Quarterly*. 1953. Vol. 47. Pp. 165–170.
50. Chalmers W. R. Eunapius, Ammianus Marcellinus, and Zosimus on Julian's Persian Expedition // *CQ*, 10, 1960. P. 157-159.
51. Enßlin W. Priskos 35 // *RE*. 1957 Bd. XXIII, 1. P. 9-10.
52. Giangrande G. Herodianismen bei Eunapios: ein Beitrag zur Beleuchtung der Imitatio in der Späteren Gräzität // *Hermes*. 1956. Bd. 84. Pp. 320-331.
53. Goffart W. Zosim, the first historian of Rome's fall // *American Historical Review*. 1971. Vol. 76, № 2. P. 412-441.
54. Kazhdan A. Excerpta // *Oxford Dictionary of Byzantium*. 1991. Vol. II. Pp. 767-768.
55. Liebeschuetz W. Pagan historiography and the decline of the empire // *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth*

- century A.D. / ed. G. Marasco. Brill, Leiden, Boston. 2003. Pp. 177-218.
56. Mallan C., Davenport C. Dexippus and the Gothic invasions: interpreting the new Vienna Fragment (Codex Vindobonensis Hist. gr. 73, ff. 192-193) // *Journal of the Roman Studies*. 2015. Vol. 105. Pp. 203-226.
57. Martin G., Grusková J. "Scythica Vindobonensia" by Dexippus(?): New Fragments on Decius' Gothic Wars // *GRBS*, 54, 2014. Pp. 728-754.
58. Millar F. P. Herennius Dexippus: The greek world and the third-century invasions // *Journal of Roman Studies*. 1969. Vol. 59, № 1/2. Pp. 12-29.
59. Moravcsik G. *Byzantinoturcica*. Vol. I, 1958. 609 p.
60. Nechaeva E. Gli Sciti delle grandi migrazioni / La trasformazione del mondo romano e le grandi migrazioni. Nuovi popoli dall'Europa settentrionale e centro-orientale alle coste del Mediterraneo. Atti del convegno internazionale di studi. Cimitile-Santa Maria Capua Vetere, 16-17 giugno 2011. Pp. 19-31.
61. Norman A.F. Magnus in Ammianus, Eunapius, and Zosimus: New Evidence // *Classical Quarterly*. 1957. Vol. 7. Pp. 129-133.
62. Jones A. H. M. (ed.) *The Prosopography of the Late Roman Empire*. Vol. I.
63. Pritsak O. The Hunnic language of the Attila clan // *Harvard Ukrainian Studies*. 1982. Vol. 6, № 4. Pp. 428-476.
64. Paschoud F. Zosimos 8 // *RE*. 1972. Bd. X A. Pp. 795-841.
65. Ridley R.T. Zosimus the historian // *Byzantinische Zeitschrift*. 1972. Bd. 65. Pp. 277-302.
66. Schönfeld M. Iuthungi // *RE*, X. 2, 1919. Pp. 44-45.
67. Schwartz E. Dexippos 5 // *RE*. V. 1, 1905. Pp. 288-293.
68. Thompson E. A. *The history of the Attila and the Huns*. Oxford, 1948. 228 p.
69. Thompson E. A. *The historical work of Ammianus Marcellinus*. Cambridge: University Press, 1947. 141 p.

70. Thompson E. A. Notes on Priscus // *Classical Quarterly*. 1947. Vol. 41. Pp. 61-65.
71. Woods D. Subarmachius, Bacurius, and the schola scutariorum sagittariorum // *Classical Philology*. 1996. Vol. 91. Pp. 365-371.